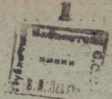

XX 101

СМЕНА

ЦЕНА 10 КОП.

20

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

„ПОВЕСТЬ О ЛЮДЯХ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ“

КНИГА А. Аросева, «Повесть о людях Советской страны» («Молодая Гвардия», 1929, 249 стр., ц. 2 р. 15 к., тир. 5000), представляет на себя сборник рассказов и повестей о людях эпохи паризма и гражданской войны. Трудно дать оценку книге в целом — в нее включены и очень слабые как с художественной, так и с фактической стороны вещи («Барабаны рызаны»), но в целом книга дает правильную характеристику людей, с оружием в руках сражавшихся за proletарскую революцию, а потом оказавшихся «о ту сторону баррикад». Таковы Миша и Катюша в рассказе «Косые тени», таков Пятаков и повесть «От нестой реки». Это — дескрипты от революции, но сумели до конца понять ее сущность и целью принять. Это тип людей, которые в период перехода и нешуток воскалывают.

— За что боролись?!

И... с парфосом боролись на губкомские столы свои барабаны.

Этому типу революционеров противопоставлен другой тип людей, до конца оставшихся верными революции. Таковы Андроников и Забав в повести «Минувшие дни». Приведем наиболее характерный для этой новости отрывок:

«...В селе, где стоял штаб, Андроников узнает, что дела складываются плохо. Штаб высылает большой помпозный дом. Во все комнаты шла лихорадочная работа. А вверху, в антресолях дома, сосредоточились и перестроились. Мимо дома проходили толпы красноармейцев, сбросивших пошивы у берега Волги под ураганным неприятельским огнем. И тут же, в штабе, где как раз спорили, на антресолях Андроников заметил молодую женщину.

— Вечером, при свете свечей, эта самая женщина стала уходить, всех чаем с булками.

— Молодец, Марусь,— сказал при ней кто-то.— И когда это она все успевает сорганизовать...»

— Хорошо вам расхваливать меня, когда сами завтра покончите нас,— отвечает Марусь.

— Ты, Тиме. Не везух.

Андроников наклонился и уху соедал:

— А что, разве она здесь останется?

— Ды, для расправы в глубокую тылу протравила...

Сгустилась с антресолей, он встретился с Марусей, и опять она отвернула лицо свое. Но раз, когда Марусь ставила на стол блины, Андроникову удалось взглянуть ей в глаза.

— А глаза-то у нее раскосые...
И неестественно, алаякая тревога зашла в душу Андроникова.

Улучив минуту, отозвал он в сторону бордатою красноarmeица:

— Знаешь что, товарищ... товарищ...

— Банни—мой фамилия,—подсказал Андроникову бордатою.

— Товарищ Банни, ты помнишь Мининскую?

— Ну, да.

— Так вот, сейчас придет девина, Марусь ее зовет. Гляди на нее в оба. Потом скажи мне.

— Ничего. Только гляди, а потом скажи мне.

— Видишь?—спросил Андроников.

— Конечно, та... она...—ответил Банни и двинулся было по направлению и кухню.

— Ты молчи. Если ты теперь с нами молчи,—сказал Андроников, схватив Банни за рукав его грязной гимнастерки и быстрыми шагами вошел в кухню.

— Вы остаетесь здесь, товарищ Марусь,—сказал Андроников.—Это хорошо. А мы уходим.

— ...а...—что-то хотел сказать Банни.

Андроников наступил ему на ногу до боли. Банни прикусил язык.

— Ты молчи. Если ты теперь с нами молчи,—сказал Андроников, держа все время Банни за рукав, последовал за ней. Вторых шену Банни:

— Точно узнал? Это она?

— Что-то сумелше инпало, ин-будто и она, а при таком случае сумелше...

— Ты понимай: ведь, при штабе была. А теперь в тылу у врагов остается. Если же она та, из врагов эсеров, то она враг наш. Понимай. Парасодем, что ли.

Банни последнего слова не понял и спросил:

— Что?

— Ну, хоть один патрон!..

— А как же ты?

— А если ты?

В это, которое выходило во двор, мелькнуло круглое лицо Маруси.

Андроников и Банни теперь уже оба держали друг друга за руки, как бы этим физическим способом стараясь один другого удерживать от злободви. Так оба сошлись, они выехали за Марусей во двор. И тут они из них уже решился:

— Марусь...—крикнул Андроников,—иди на дорогу-то...Идти не надо.

Марусь быстро обернулась и пошла к ним. Едва они переступили на крыльце три ступеньки, как Андроников, оттолкнувшись от Банни, быстрым движением вынул маузер и пустил одну пулю в спину Маруси прямо против сердца.

Банни ползком, взглянув в лицо убитой и с легкой дрожью в голосе сказал:

— А, ведь, это она! Она сама! Вину теперь...

— Кто она?—спросил его изнеможенный товарищ Клопкин.

— Да ты не знаешь. Настасья Палина. Вроде, значит, за шпашество...»

Мы настоятельно рекомендуем нашим читателям прочесть книгу Аросева.

А. ПОЛЕВОЙ

С ЭТИМ НОМЕРОМ ПОДПИСЧИКИ „СМЕНЫ“ ПОЛУЧАЮТ ВТОРУЮ КНИЖКУ БИБ-КИ «ЖУРНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ»

С. В.

„ВОИНСТВУЮЩИЙ МЕЩАНИН“

ВСЕУКРАИНАСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВАЯ КОНТОРА ПО ЭКСПОРТУ И ИМПОРТУ „УКРГОСТОРГ“

Главная Контора—г. Харьков, ул. К. Либкнехта, 44.

«Укргосторг» является основной украинской организацией по внешней торговле и осуществляет экспортные и импортные операции в странах Зинда, Востока и в Америке.

В экспортную номенклатуру Укргосторга входит разное сельскохозяйственное сырье, продукты питания, ряд промышленных товаров, утилизационные товары и лес.

Экспортная номенклатура Укргосторга включает до 300 товаров. Основными товарами экспортной номенклатуры Укргосторга являются:

- 1. СЫРЬЕ** шетина, конский волос, пух-перо, пушнина, табки, ленка, пакля, пеньковые осысы и др.
- 2. УТИЛЬСЫРЬЕ** тряпье, резина, мездра, кость и другие отходы животноводства.
- 3. С.-Х. ПРОДУКТЫ** молочные продукты, казеин, грибы, орехи, фрукты, мед, воск, бобовые, семена трав, хм-ль, м-к, рис, ов-дц, лекарственные травы и др.
- 4. ПРОМ. ТОВАРЫ** продукция кокосбензольной, лесохимической, горной, стекольной, пищевой, текстильной, металлургической, кожеобработывающей и кинопромышленности; отходы сахарной и пивоваренной промышленности, а также кустарные изделия.
- 5. ЛЕС** Укргосторг является единственным экспортером украинского леса и лесоматериалов, известных Европе своим высоким качеством.

Являясь непосредственным изготовителем экспортных товаров и обладая рядом производственных предприятий, Укргосторг приспособляет качество экспортных товаров и требованиям зарубежных покупателей. Благодаря этому многие товары продаются заграничной крупными партиями на основе образцов.

В области импорта Укргосторг является в основном крупно-оптовой комиссионной организацией, обслуживающей украинскую республиканскую, местную и кустарную промышленность ввозом оборудования, сырья и полуфабрикатов.

Укргосторг имеет генеральные комиссионные договоры с крупнейшими промышленными и хозяйственными организациями на Украине для снабжения их импортным оборудованием, сырьем и полуфабрикатами.

Укргосторг осуществляет также закупки импортных товаров за собственный счет.

ХХ 101 / 1

СОЮЗ КОМСОМОЛА С ФЛОТОМ

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ тов. КОСАРЕВ О ЗАДАЧАХ КОМСОМОЛА ВО ФЛОТЕ

ПОСЛЕ гражданской войны наш флот вышел потрепанным и весьма изношенным. Во время войны флот потерял лучших своих представителей, оставив на поле битвы старых, закаленных и революционных бойцов моряков.

Флот опустел, обезлюдил. Флот растерял свою лучшую человеческую базу. И тогда, в начале 1922 года, встал вопрос о создании нового подлинного красного рабоче-крестьянского флота, о создании своих советских боевых кадров. И ленинский комсомол одним из первых взялся за это дело. Он принял шефство над флотом, 16 октября 1922 года дал торжественное обещание помогать флоту всем, чем только возможно.

В начале шефства, в первые годы весь наш флот состоял почти исключительно из комсомольцев. Потом же, впоследствии, в него стали вливаться и беспартийная рабоче-крестьянская молодежь. Во всяком же случае, комсомол за семь лет своего шефства послал во флот несколько десятков тысяч лучших своих сынов. Во флот направлялись ребята, наиболее преданные, наиболее стойкие, наиболее выдержанные и политически грамотные. Набор комсомольцев во флот происходил с большим отбором. И в результате флот стал крепнуть, флот стал восстанавливать свою боевую мощь.

Комсомольское шефство над флотом сыграло огромную роль не только в его восстановлении, но, главным образом, в повышении его боеспособности. Многие комсомольские организации построили флоту ряд боевых судов, сотни тысяч рублей были отданы комсомольцами на восстановление нашего флота.

Комсомол делал все возможное, чтобы улучшить политико-просветительную работу во флоте, чтобы улучшить бытовые стороны жизни наших моряков. Весь свой боевой молодой опыт, всю свою революционную молодежь задалку старался передать комсомол, приняв шефство над властителем наших

А. КОСАРЕВ.

моряк. И опыт шефства, — первых семи его лет, всецело оправдал себя.

Комсомольцы во флоте стали своими людьми, неотъемлемой частью боевой морской единицы. Морское командование и старые морские специалисты сделали все возможное, чтобы обеспечить наиболее продуктивное использование комсомольцев во флоте. Они передали им свои морские и технические навыки, они познакомили комсомольца с морем, с его жизнью, с его особенностями, привычками и капризами. Они передали молодому моряку свой старый морской опыт. И за это морскому командованию и специалистам мы должны сказать большое спасибо!

Сейчас из среды комсомольцев начинает выходить много уже настоящих советских морских техников и специалистов. Они несут свои знания, приобретенный ими за время нахождения во флоте морской опыт в массы — на фабрику, на завод, в деревню, на село. В гражданских организациях, при посредстве комсомола, создается ряд военно-морских кружков, где комсомольцы-моряки являются руководителями и преподавателями. И даже здесь, находясь уже в сравнительно мирной обстановке, комсомол не забывает о своей боевой шефской задаче — об укреплении нашего флота, об ознакомлении мирного трудового населения с его целями и задачами.

Что мы хотим от флота, вступая в восьмой год принятия шефства над ним? Того же самого отношения, которое проявляли морские круги к комсомольцам во флоте до сего времени. Мы хотим, чтобы связь комсомола с флотом еще более укрепились, чтобы флот и комсомол составляли одно целое.

Мы хотим, чтобы в момент, когда над Советским Союзом нависает непосредственная угроза войны, шефство комсомола еще более укрепило боевой ленинский дух во флоте рабочих и крестьян.

Рассказ НИК. СИДОРЕНКО

Памяти тов. Веселова

Рисунки Н. КУПРЕЯНОВА

I

ЕСЛИ Тихон Вагинов колесил по городской набережной, значит «Альбатрос» стоял на рейде, и обратно, если лесовоз в восемь тысяч индикаторных сил дымил всеми четырьмя трубами, посылая ледяном широким лагузкатым волнам Двинны, то это означало, что мол дай, сюда оперяешься штурвальный Тихон Вагинов петляя в городских перушках. Это было признано всей командой судна, и было неизбежно в течение двух навигаций. В течение двух навигаций молодой штурвальный сохранял бесценность и заразителный запор. Не было парня в команде артельнее и веселее его. Это тоже было узаконено и не оспаривалось никем. И это добродушное уважение старших давало известное равновесие, давало право на покровительственные иногда жесты. Широко и ласково смотрел Тихон Вагинов на всю живьш. И шел он в жизни верной дорогой, как-будто не человек шел, а судно, ведомое огнями баканов в устье полноводной, спокойной и мощной реки. И легко, легко сердцу, и душе радостно.

Да и как же иначе?.. Каким и быть человеку, если не простым, сильным и смелым, обветренным и компанейским, если двадцать летняя весна виюит над головой, как большая светлая капля тающей воды на краю карниза. Весь мир отражается в капле, такой близкий, теплый и голубой, что хочется тронуть его губой, слегка задеть конюшеским, незерным еще плуком.

За последние два года привыкли ребята с «Альбатроса» все дела зомнего пребывания своего во время редких рейдовых стоянок вверять Тихону Вагинову. Он-то уж заставит ноги поразмяться. Он непременно найдет новое, занятное чем потешить ребят и свою славу заводилы упрочит. И не только людям, всему «Альбатросу» легко жилось с молодым, бело-брысым штурвальным. Во всем корпусе, во всей оснастке, даже в стертом подошвами трапе, был что-то легкое, стройное, каная-то особая, молодая осанка. И лучшего имени, чем «Альбатрос», ничего нельзя было придумать.

II

Когда привывает глаза, руки и ноги, когда привывает все тело со всеми своими частями ощущать окружающее вот так, именно так, а не иначе, и вдруг, когда маленький штрих всей удобной, знакомой обстановки нарушен, то человеку все вещи кажутся иными, потерявшими свой свой цвет и запах, как-ниги-то не теми, потускневшими лишь оттого, что нехватает какой-нибудь скамейки или горшка астр на вот этом самом окне. И весь мир на мгновение становится другим, к которому надо привыкать сначала. И почему-то человеку делается грустно. Удивление проходит. Остается досадная грусть, неуловимая обida. И часто бродит человек из угла в угол, не ведая, куда себя, за что приняться.

Так было и с командой «Альбатроса» в памятный июнь прошлого лета.

III

Взбивая пену винтами, баламутя все устье Двины, оглашая берега колораатурой сирены, «Альбатрос» замедлил в виду пристаней и бросил якоря на самом фарватере.

После уборки, смены хвост и других необходимых вещей молодежь, выматая, побитая, в парадной выходной форме, толпилась на кубрике, перебирая ногами. Вагинова среди них не было. Выждав немного, две парней пошли в каюту. Пошли

и замерли в дверях. Полулежа на койке, Тихон смотрел в иллюминатор, в противоположную от города сторону. Смотрел и чуть слышно насаптыгал. Был он причислен и vybrит и в «береговом» облачении. Но во всей легкая сутулой фигуре была какая-то грусть и как-то острее торчали плечи и локти.

— Тихон, айда. Ребятики ждут.

Вагинов обернулся и невидящими глазами уперся в ребрет.

— Брось, Тиша, все в сборе. Ну, айда, что ли?

Тихон поморгал, сел прямее и с трудом выдал:

— Кройте сами.

— А ты как же?

— А так вот.

— Остаешься?

— Совсем?

— А катитесь вы!..

— Брось, милый, оставь это. Ты, может того... болен, а?

— Чего надо?

— Даю они, вить, там дожидаются. Нехорошо, братишка,

брось хандру, идем. Да и с чего это вдруг застопорил-то ты?

— Э! Бери его под руки—ничего зря волыниться!

— И то...

Но Вагинов резко вырвал руки, хотел наброситься на товарищей, но лишь вздохнул и отошел в угол. Сканал более спокойно:

— Вот чего,—дуйте одни. В «Морике» вечером свидимся. А я пока останусь... Чего вы стоите, черти? Присохли или как? Отвяжитесь, сказано вам,—докончил он резким, будто чужим голосом.

— Ну, насильно мил не будешь. Идем, Петюк!

Тихон слышал топот ног над головой, неясный гул голосов, скрип блока и шлепанье весел—это шлюпка уходила в город. Слышал и не двигался с места. Опять пошел к иллюминатору и уставился на заречные облака, исполосованные тонкими, калеными стрелами солнца.

IV

Из открытого настежь окна слышен смех, басы гитары и высокий женский альт, выводящий давнишнее:

«... Я-ль вынужд, что твбя, чэрэуюкую, большъ, чем душу, люблю...»

На эстакаде останавливается худая мужская фигура с бесхозырькой в руке. Ветер треплет волосы и ворот матроски. Это—Вагинов.

Не в первый раз бросает он якорь возле голубой дамбы и малость сбавляет пар. Но раньше это было как-то так. От нечего делать. А вот теперь...

Много миль до Ливерпуля и обратно, и есть время, стоя у штурвала, подумать о чем хочешь, о чем само как-то думается... И вот... И вот, этот раз на те не похожи. Подходя на «Альбатрос» к Двине, думалось Тихону славно и просто: приду под окошко, вызову в кино, а там все, прямо возьму да и выложу. Так, мол, и так. Не графиями какие и опять же не джордже. Ходим в штурвальным, не лям, как ныне, до потери всего. Люба ты мне, сильно люба. Волна чьякой белой в самую душу. Не противно глядеть на меня—давай руку и будь мне женой, будь заместо матери, всем буди!..

Думать-то... оно, конечно, выходит гладко, когда далеко от места действия думаешь.

— Товарищ! Товарищ же!

Тихон вздрогнул. Напротив, склонившись в окно в его сторону, стояла она, предмет его робких и чистых мечтаний. Стояла, смотрела на него и звала именно его, т. к. никого больше на улице и не было.

— Ну, идите, чего же вы... стесняетесь?

Как во сне, пошел под окошко Вагинов. Мял бескомпромиссно, глядел куда-то в бок.

— Да вы зайдите в комнаты. Вот, чудак! Его в гости зовут, а он полирует мостовую.

Девушка скрылась, через минуту выбежала из калитки и схватила Тихонову руку.

Он продохнул с трудом и сказал:

— Нет уж. Я не пойду к вам. Если вы имеете свободный часок—пойдемте в кино или в сад. А к вам я не пойду. Да и не жарко теперь, идемте... не вопотеете.

И потому, как перепернулись ее губы, поняла, что вышло что-то лишнее, трубое для нее, для его мечты, для легкой, недостающей чайни. Нет! У штурвала—куда легче!

Девушка на мгновение задула...
— А знаете, что? Не хотите зайти, так и я с вами никуда не отправляюсь. Сделаем вот как. Завтра вы приходите и прямо калиткой в дом. Не бунтите ничего, пожалуйста. Приходите просто.

И почему-то мелко засмеялась.

V

... Как его, комсомольца, кандидата партии и вождя паходной молодежи, обсернула около пальца вальмовская мешаночка. Как ни больно Вагинову было обмякать перед самим собою свою мечту, свою сказку, продуманную за долгие часы вахт до Ливерпуля и обратно, но назвать белую чайку иначе, чем «мешаночкой», он не мог. А несколько часов назад, он сгоряча—правда про себя—и вовсе обругал ее «подлой» и «трагосудной». И себя кистил ирландию.

— У! Дурак, дубина, кашалот! О белой чайке сам все выдумал, сам во всем себя уверил. Жениться хотел! Идеал нашел! Дурак, дурак! Своих ребят на нее, чайку бегосекунную, променять хотел!

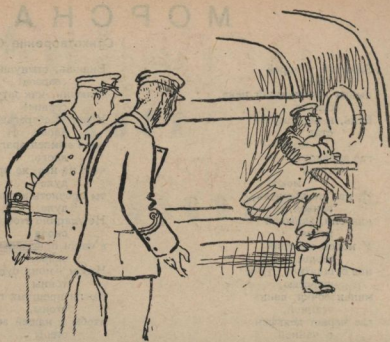
А вышло все это следующим образом.

VI

Как былоговорено, после четвертой склянки пополудни, Тихон отправился на берег. Она—чайка его и тайный мучительный образ—ждал возле дома. И с места в карьер начала:

— Дома духота и мука. Идем в сад до ночи. Вечером мужиков набьется полон дом—у папаши праздник, надиктуют все—скука зеленая.

Вагинов было открыл рот, но «мечта его и чайка» тараторила дальше:

Он был причесан и выбрит, но во всей его слегка сутулой фигуре была канал-то грусть.

— Вывеску откритот, папашку поздравлять начнут. Олять нам лучше станет. Они запретили торговлю, да сами-то без таких, как мы, не долго торговали. Олять разрешение вышло.

И мелко сыпала дальше. Но Тихон не слышал. Он поднял голову и уперся взглядом в большую вывеску, затянутую рогожками. В прореху видел был окорок и темнозеленый арбуз. И только сейчас заметил он и вывеску эту—знамя отшельника мешан и лавочников, и открытые, без досок, дие несольшие витрины, чисто протертые, наполювину запертые коленикорговыми занавесками. И вихрь мысли мутил голову. И даже не сразу заметал, что они идут уже в центре города и что девушка тащит его неумолимо вперед. А перед глазами вьюсь и вновь мячичла вывеска, и окорок разрастался, набухал салом и закрывал собою чуть ли не полнеба. Справился с собою и не выдал неприязни, когда ели сладкое и пили морс в летнем кино.

Проводил домой свою бывшую «чайку», даже поощалять зайти снова, хотя знал, что говорил неправду. Ставня был закрыты, но все же пьяные голоса доходили до уха, и вывеска над дверью сияла золотом букв и карминово гамбургской колбаски.

Вагинов лежал и думал с болью о том, что вот его чайка превратилась и навеки... в смыленную купеческую дочку. Что все мечты его прославлены жирным окороком, и на месте нежных слов—маслянистые пятна.

— Э! Была и нету! К чертовой маме! Леоу руля!

... Он заснул. Спал долго. Ребята, стоя полукругом, смотрели в упор на лицо приятеля и «вождя». Он улыбался во сне хорошей, прежней, знакомой, тихоновской улыбкой. А снится ему, что якоря подняты, дан полный пар машинным вилтам взбивают горы пенны, и «Альбатрос», горло и быстро, проходит устье Двины, острова и отдели. А сам он, Вагинов, на вахте, около штурвала, лицо под ветром и полно дышит грудь.

Прошел последний береговой знак. Ребята на носу, толпою, смотрят за бутшприт, вперед, туда, где ветер и море, где настоящие чайки, в которых после смерти переходит души матросов. И над головой каждого из ребят звонкими каплями висит двадцатые с хвостиком весны.

— Не дрефь, Петюк! Вагинов правит!

... [Здравствуй, ветер!

Здравствуй, морс!

В штиль и штирм—мы твои. Закалены твоими волнами, вскормлены твоим простором. Так здравствуй же, [Море!

— Леоу [руля!

Вошла чайной белой в самую душу...

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Стихотворение С. КИРСАНОВА

Замирай у морей
песня,
взявдя в стянущий рейл,
пенься,
Ведь, к родному ты
стал
мору—
где дредиоуты
сталь
моку!
И, как их выпела,
пенься,
как они, запылай
песня!
У морей замирай
сердце,
под бушлатной стучи
шерстью,
миноксочка, двинь
стайкой,
где играет дельфин
с чайкой.

Видишь, стынущий вал
сверся!
Поверни, как штурвал,
сердце!
У морей берегай
слово,
видя выпел врага
злого,
чтоб на лас, не правой
дуло—
ты прочноть и проверь
дуло.
Не ударило чтоб
снова
в наши пристани бомб
слово.
Чтобы наших судов
тонны
смыли прошлых годов
стоны,
чтобы в нашей земле
стены

прошлых лет не брели
тени.
Не увякнетя сталь
в тине,
мы у пристаней став,
стынем.
Замирай у морей песня,
взявдя в стянущий рейл,
пенься,
у морей замирай
сердце
под бушлатной стучи
шерстью,
у морей берегай
слово,
чтоб отбросить врага
снова,
чтобы наших судов
тонны
смыли прошлых годов
стоны.

ДЕТИ МОРЯ

Очерк БОРИСА РЕЙНА

ДЕСЯТКА два загорелых ребят разместились в просторных помещениях Балтийского флотского экипажа. Пахнуло на назармы свежим соевым запахом моря.

Первая партия молодняка в Балтийский флот—с далекого севера.

В морском деле они не новички. У каждого за плечами, пожалуй, с полтора десятка лет плавания по морским просторам. Рыбаки—поморы, жители берегов Белого моря.

Месяцем раньше начался призыв на севере: там рано наступала зима. Уже в начале сентября берега океана сербзряты под пеленой первого снега. Скоро станут непроходимыми дороги, на несколько месяцев отрезан снег дурани Мурмана от внешнего мира.

Петр Баез—помор с Онеги. Смолоду, с детства ходил с отцом «на треску». «Зуйком» был. С гордоюстью говорит об этом.

— Зуйками называли нас, мальчиков—поморов. Восьмилетом забирали отцы на промыслы, в становища на океане.

... С побережья Полярного моря за тысячи километров уходили в море и уходил сейчас поморы. Увозят от матерей маленьких ребят. Но восьмилетние мореплаватели преисполнены гордости. Нет ничего приятнее для поморского мальчугана, как чувствоваться себя настоящим моряком.

Они очень любят и знают море—маленькие поморы. Лучших краснофлотцев и не пожелать военному флоту.

Крепыш, с зверьчим лицом—Митя Рогозин—не только рыбак: он еще зверобой.

— Мы ходим на звериную промысла, на тюленей и моржей, артелями: на лыжах по льду. Только багор да винтовка за плечами, да подку за собой тащишь, на случай полынчи. Так сотнями километров по океану идешь. Бывает, что по пятсот тюленей на брата набиваешь—в хорошие годы. Да, тяжело.

Каждый год кто-нибудь погибает, на льдине уносит океан.

Море закаляет, причаает к опасности. Оттого такие крепкие моряки севера. Моряки—из поколения в поколение. Плавал я когда-то на севере с Ворониными-поморами. Шесть братьев—всех их поработило море. Четверо—капитаны океанских пароходов Советфлота.

Многие пришли в Балфлот из глухих медвежьих углов.

— Наша деревня Варзга—260 километров от Кандалякши,—рассказывает Ваня Мошников—рыболов.—На призыв ехали долго. На лодке километров двадцать по реке да еще километров шесть пешком. А потом, пароходом до Кандалякши. Далеко. Осенью к нам совсем не попасть. Связи нет, почта не ходит. Зато провозжали нас комсомольцы далеко—четыре у нас комсомольцев только.

— В Норвегию ходили,—вспоминает призывник Юрьев из Александровска на Мурмане,—на простом боте, с пушиной. Мы море знаем, на нем и выросли, на нем и служить будем.

Они и не мыслят себе военной службы иначе, как во флоте. «Старички», обучающие молодежь, подтрунивают:

— Может быть, вас куда-нибудь переведут из флота, в пехоту, например. Пошли бы?

Горько замахал руками молодой помор в черной косооротке:

— Пусть во флоте десять лет служить заставя, а в пехоту не поведу. На море родился. Где же иначе служить?

Он пришел из мурманской деревни—четырееста километров от железной дорог.

Красный флот превратил этих молодых пролетариев моря в политически грамотных людей. Надо только прийти посмотреть из них через месяц—два.

Будут другие люди.

ЖИЗНЬ И БЫТ КРАСНОГО ФЛОТА. Ботман.

СЛУЧАЙ

НА ОДНОЙ

СТОЯНКЕ

ПЕТР ГАВРИЛОВ.

Рассказ ПЕТРА ГАВРИЛОВА

ПО УЗКОМУ и упругому трапу Илья Корнеев сошел с дюжиной товарищей, как и он, загорелых и крепких краснофлотцев.

В салитном Неполомском порту они разошлись по городу не сразу. Очутив под ногами привычную твердость земли, знали дыши ее испарениями, похрустывая в нарванных майских брови новоявленными деревьями, дышали свободно и легко переговаривались.

Некоторые держались за рули, как дети при встрече с трубочником. В этот час корабль всех национальностей спускали свои командиры на берег. Кавалеры, море выкатилось на берег бегие волны и они расплазались по молу и просачивались в узкие переулочки порта.

После трудового перехода и лишений в море все становилось изнутри ярче, интересней и значительней. Дома, вилески, витрины магазинов, кафе и трауны—все это мнилось, прельщало, завлекало к себе и нет в мире покупателя неизвестней, щедрей и глупей морюном.

В дверях кафе Корнеев столкнулся с ребятами. Глазачи и конопатчи, лицом похожим на речное, Басяка Струнов, с самого Кронштадта метавшийся о заграничном костюме в полосу, нес кусок дешевой шляпы из лесной окраины, пару часов и ласковые ботинки.

Июлиан Сергей, конопатчик девяти отку на кубу, истратил их на десерт трубки, на редкость неудобных и смешных. Растерев девять шуги, он яростно дымил теперь на последние, такой длинной, что все прохонные заискали за нее, выславшая горничной пенел на формену Сергея.

Сроду не игравший ничем, кроме как кокетсарским домиком, громоздкий, хмурый, с немнорю длинными руками и ногтями—кокетсар Вернер тащил две дивандиатрунных гитары и кастыбелеты.

Завидный друг Корнеева Ибрагим Надулов, кривогубый, скуластый, с раскосыми глазами элетрич, береню нес малюсенький спидостельный курюнок—все, что осталось от модели парусной пухулки.

В кафе она потеряла немнорюму аварию и ногуба. Грубный Вернер сел на нее со всем своим музыкальным магазином.

Рубинчик, он тот-же делю и расосыный по нарваным черным деревянным сплюном. Словина колосил ноги Рубинчику острыми деревянными шпылом.

Ушли Корнеева, Рубинчик заматал курчавой головой, сузил олимпийские глаза своею.

— Погадил на меня, Корнеев, если хочешь, можешь полудать, зачем и завел это словище стадо. Слушай, Корнеев, купи поугути и променелся со мной. Она колочет и пристаот, как учение.

Неулыбающийся иногда Вернер пробурач.

Не менялся, Рубинчик. Слово хорошее. Я еще не настроил гитару. Привидем на корюбу—пыччу сплюном писать, не пидов, Рубинчик.

Длинноносый и белообрисый, как вымоченная под дождем солома, рулевой Илюгин, известная из огромной своей трубки несло пошаривше, бривуку!

— Под твою музыку охотно пропильсала бы четку мой баушина, но она, не выдушен, Вернер, она умерла на руках моего дедушки.

Бривука смехом, затеяла улыбающийся прохоних, морщина вывалилась из кафе. Дреманый шюфер и нерзалучный с ним гуд сразу привили в действие. Шюфер просто заводил машину, гуд, широко распахнул двери, сумел отколотнуть в авто всех краснофлотцев сразу. Машина зарычала, пахнула бензином и повелела веселых пассажиром по бойким улицам Неполом.

На тротуаре остался слоненок Рубинчик с обломанным хоботом и спасательный курюнок Надулова.

2

Сидяния на судах были шесть. Размороженные ямары и впечатлениями, растерив ребит до аэноушым города, Корнеев и Надулов еле дингали ногами.

Французские моряви почти силой втащили ребят в бар. Шаюшва доверку обяснение бивала смесью речных лиц, все они так рявкнули «Vive la Moskou! Vive la Bolsheviki», что хозин бара выскочил на улицу посмотреть, нет ли где близко черных рубашек. Реблтам ничего не оставалось, как, шаюшва бивалы, еще раз крикнуть нечто, отчего хозин, где стоял,

там и сел, а французские моряви расползаясь краснофлотцев, обещая что-то с кем-то сделать.

Горькая смесь подействовала на Ибрагима так, что одна нога ему казалась короче другой. Корнеев свинку безмозглыру на затылок и дыши сигаретной, смювы зубы напелал.

Надулов потянул себя за горбатый нос.

— Баракло—а не шески. Бривука нес. Кто шесал, видел Марсесал на леском гаубоце.

Корнеев выбросил сигаретку, выдохнул на себя дым и, глубоко опустил руки в карманы, сивалет:

— Я не про то, кто ты видел. Слова в шесне: «Ничто не может отвести глаза от дыма». Сидели, поимамеешь, и не могли отвести глаас.. А он...

— Она, впервое, была—да? Красивая, как кривошадская Дунинша пари-баба?

Корнеев посетрел сбоку а Ибрагима и раздраженно ответил: — Настоящая фамилия тебе, ваверино, Надулов. Что ты фанитившь, ведь знаешь, о чем говорю? Натерившись вот в плавании, паработаться. На корабле, сам знаешь, все второе... да и не научилась мы еще корабль прератить в образцовое обшествение. Мат не извент, о дивичных часто говорю плохо. Почему мы о них так плохо говорю, Надулов? А на берегу вот увидишь их, да улыбаются если каван—знаешь, прямо победил бы да меня, не смеешь, чорт. По руке, по шесне погладил бы. Смейся, мне и самому смешно.

Надулов подлил от удивления изогнутые брови. Ворочая раскосыми своими глазами, он беззвучно смеялся.

— Неслы я тебя на берег мучить—да? В Неполом много речиски улыбаются. Так и будешь бегать за ними до вечера—да? Ты не бегай лучше. Лучше не бегай, не знаешь—да? Ты много говорил, пойдм и устрою тебя зимовником.

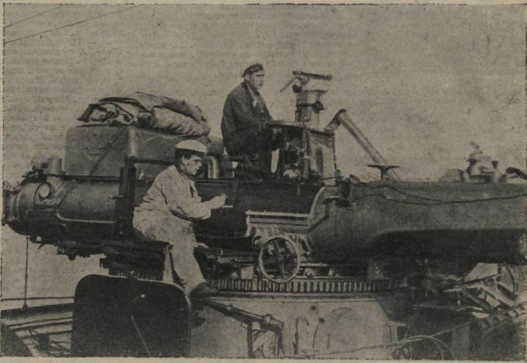
Когда приятели захолили в бар, отступая сверху раздался смех и зловоние голоса. Краснофлотцы валякнули друг на друга и, воймв себя на обломанных мыслях, виновато улыбающиеся, Корнеев, не глядя на Надулова, тащились прочь.

— Зайдем, что ли, Ибрагим... на минутку.

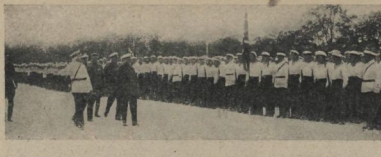
Надулов обирнул улыбку и несловно покачал головой.

— Ты не можешь отвести вниман от них глаас? Или победаны за ними и огладишь по руке и по шесне—да?

— Ты чудишь, Надулов. Я помню, что доктор говорил об этих... Мы же... на минутку.

Учебная стрельба из минного аппарата на эминце.

Двор, куда вошли краснофлотцы, был полон света. На поручнях лестницы в ливнях буйно цвели цветы. На скачках полуденная идуница. В яридах костюмах, усталые, бледные—они лениво следили за краснофлотцами глазами тинесно бальных.

на разных языках. Надулов, П— Сеньюти мариню—да?

Подозли другие женщины, окружали ребят, любопытно оглядывали их. Белокурый бойкий деушка растолкала иженни, погладела на ребят и, чему-то радуюсь, всосиндула:

Надулов торопил. Кориев обернулся и вдруг присел, хлопнул себя по коленям и испуганно крикнул:

— Девушка! В углу зала, полдеря подбородок руками, сидела девушка. Небольшой рост, серые грустные глаза, черные завитки кудрей, чуть вздерну-

ты, нос—до смешного напоминали Кориеву москвовскую Лельшу с «Красной Эскады».

Девушка улыбкавала, встала и подошла к Кориеву. Ее вздрагивали похолода, манера размахивать руками при ходьбе, простое черное платье совсем обвели Кориеву.

— Лельша. Да что-то это такое? Да как же ты пошла сюда? Надулов стоял, разинув рот. Его горбоносый нос, извалось, еще больше затуманил губами. Шолом выскочил в его руки, нахлоп на брови. Идулов схватил Кориева за рукава форменки. На белой форменке иротеачались итерия Надулова.

— Ты откуда в лагере крипишь? Девушки громко и обалдно засмеялись. Вытараку руку платком, Надулов успел только увидеть, как захохотались дьерь за Кориевым и девушкой.

Он сделал попытку броситься за другом, но вытравил смех остеронил его. Надулов смотрел на них, ахнул, вынул из кармана вымателных и грустных, а теперь насмешливо смеющихся в лицо ему, и ничего не поимал. Он алобито потрогал толстуху кулаком.

И ринулся на улицу, перепрыгивая через ступени. Взломго ему послось обидные выкрики. Кто-то свистел и тогыл ногами. Шумно ина рилась.

Когда Надулов прибежал на корабль, там только-что окончили доклад товарищи из полпредаста об событиях в Италии.

Итерия, мигая блестящими ресницами, раскуривал несурьзаную свою трубку.

Надулов, растыкивая краснофлотцев, иссал комиссара. Намел он его и Рубинкина в красном уголке. Комиссар и секретарь заначивали партию на шахматы. Там и врос перед ними в палубу Надулова, еле первый дух.

— Ты шахматы играете—хорошо—да? А улешвой пропадает, нехорошо—да?

Комиссар сполонно передвинул кони, иринуку от удовольствия и повернул голову.

— Что ты горчишься, товарищ Надулов? Берн ступ и говори толком...

Третья ступи ступ советской корабль в Неаполе. Итерия и горому замето надал. Краснофлотцы редко и неохото сходили на берег. Деньги кончились. Однообразие кафе, танцевальных зал, полутемных и циничных, выдалось скучно. В рабочие залы, иполья балл есубушья. Фашисты ондаили так советских моряков, тактико провозили одну провозацию за другой.

Кориев сильно измешался за эти дни. Он покусуд, сторовался ребят и често разговоривал сам с собой, улыбкаво, кому-то слабой улыбай. Ее дождившись увольнения на берег, он ичелая в городе до поздней ночи.

В эту ночь Надулов декурку у динамо-машины.

Чь-то руна легла на его плече. Надулов вздрогнул и обернулся. Следи него тис Кориев.

— Его ты так сточивать не хочешь? Онлинуку тебь, молчанье?

— Чувствую, что ираеит, Надулов поимтался улыбкаво.

— Динамо шумит, как иже и тебь услышу—да? Ну, как тебе Неаполь по сердцу пришлется? Сделася.

Кориев не ест. Он молча полез за палуку форменки, достал фотографию и подал ее Надулову. С фотографии на Надулова смотрели грустные глаза девушки из пансионата. Небольшой рот несмело улыбкался, и лице на фотографии были заметны слезы, идущие от углов губ вниз. Надулов перевернул фотографию. На обратной стороне ее мелким мелким почерком было написано:

«Ma caro amico»

Разбирал цинковые слова, Надулов услышал тихий голос Кориева:

— Простытеся с тебь пришель... Ибрагим.

Надулов остеронно отложил карточку обратной стороной вверх, ичелся нос и расемелся.

Кориев иеньшью пальцами и отугал глаза.

— Если будешь в илюху играть, Ибрагим, и иду, не пропаша...

Через полчаса Надулов едал вухе. Он ирелся на бан, где играл его Кориев, неподвижно сидя на икхте.

Тихо бузыла вода у стального борта. Рабочие-иные огнями корабель озорными амеями вынажились в черепной воде. На кубринов доимались звуки гармошки и веселые смеха. Чунала нох идули тедом и запалом цветов.

Большой говорил Кориев. Он говорил часто, словно болел, что ему не дадут расеивать все то, что необходимо им поведать другу.

— Не была бы она так смешно похолола на Лельшу, ничего бы и не было. А тут вот, стою ей рин поимтовать мечи... как все полетело бы. После разговорилась: половину мимной, половину пальцами, остальное карандашом на бумаге. Работан она. Отен ее коммунист и брат тебе. Недало вымател улыбай при еси и брате, уиеси с собой отца. Мать, почит сумасшедшая. Все разотролено, выто. С ивартир выгнали. Нечего естеть стало—и вот, когда мы ее встретили, она первый раз... да девяти. Вот и сивобились... Не выид и женщины раньше... а теперь как в тумане все. Если бы ты знал, Ибрагим, как она плачет, как просит выить ее с собой... со мной.

Надулов бросил только-что закурившую папиросу в воду, проследил, как огонек зашился и потух.

— Ну, и выил бы ее—да? Сказал бы комиссара.

Кориев устало отмахнулся руками.

— Говори. Он сначала выругал меня, как последнего, потом уговоривал, как брата. Комиссар так все развешал мне, что дальше идуудал. Нельды исею это. И согласен я с ним и ите. Ну, сказан, Ибрагим, вот стоим мы с орудами, с бройей и порохомыми погребями, и вот уидете вы егонии...

Надулов редко дернул головой и, сопнурия глаза, посмотрел на Кориева.

— Иль—да? Кто же эти самые— вы?

— Брось, Ибрагим. Ну, корабль... иду, а рядом человек один, родной... в пансионате... разным гладам... дочь коммуниста... Нет, и оставил здесь, Ибрагим. После иолку в полпредастее, сказану, что итея—моя, пусть отпаривает в Россери. И проку, расеиваюсь же с партиями... уиеси обивает меня, что то, человек моего, нашего ииель спас?

Сверху вниз: Тов. Ворошилов на параде в Севастополе обходит ряды иривофлотцев. За чистой лентитого орудия. Сигналищцы на крейсере „Коминтерн“ бред краснофлотцев.

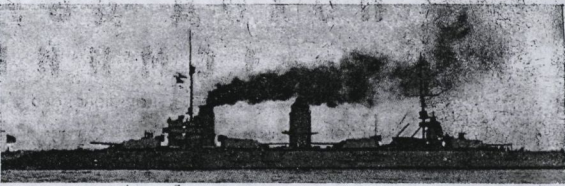

Сменились комары. Они гревели лопатами, шапками друг друга по лицам, шумно прохаживали в корму, в баню. Корнеев повернул голову и ахнул, вслушиваясь в голоса товарищей. Надулюлов покосился кому-то, потянул себя за нос и быстро спросил:

— А старшина... как же мы без старшины рудевого пойдём? Я слышал, как старшина и командир хлещали тебя—да? Корнеев, говорит старшина—не старшина—а голыш!

Легкая улыбка тронула губы Корнеева. Он взглянул на мостик, где провёл не одну суровую штормовую вахту и улыбнулся шире.

— Справится рудево. Изоткин заметит меня вполне... Хитришь ты все, Ибрагим. Напрасно, я уже я,—решил. Ты помоги мне. Надулюлов, а завтра вечером я уже... Ты не выдешь меня, Надулюлов—?

Силы на коленях, Надулюлов засопел, захватился.

— Не выдай я тебя, товарищ Корнеев, не выдам. Горючо и чисто дымя в лицо Корнееву, чуть соступившись и взгляды прямо в глаза другу, Надулюлов зашептал:

— Ты там в пансионе жилаешь эти три ночи—да? Ты не знаешь, что фашисты устроили провокацию... разорвали портрет Ленина на наших глазах и теперь ползая по ногам? Ты не знаешь, что надела в рабочих наварах нам прихотел? Не знаешь ли ты, как издевались комсомольцы на ножах сошлись с фашистами и сколько платили им? Да! Да! Да! Далеко, ухотел, дезертировал. Я тебе не выдам—да? Надулюлов круто повернулся и сбился по трапу. Корнеев хотел что-то крикнуть вслед ему, но Ибрагим пропал в темноте. Тогда Корнеев торопливо опустился на колен, схватил голову руками и зачухался по сторонам в сторону.

Наступил последний день стоянки. Корабль потрунил угом и теперь, чисто вымытый, сверкал на солнце медными частями и беленой палубой.

Очередной номер стёганая все-таки выпел. Надулюлов снял и хопил по кораблю летухом. После передовой в газете была напечатана большая статья комиссара, она называлась: «О товарищеской подлости».

О ней спорили, и у всех было такое впечатление, словно в статье комиссар говорил именно о нем. Довольные, кто же спотыкнулся, кто же влетел помоями, и не могли дождаться... От этого нимало не смущаясь приглядывались друг и другу и к себе, проверяя каждое слово и поступок.

В пансионе все было попрежнему. Толстушка восседала за ниссой, блиста вставной челюстью. Зал был полон голубыми англичанскими моряками. Фрэнч празднона нисью виноградного толстого французского серраха.

— Надулюлов положил в Фрэнч, вилку где в плече ружок: — Отдай ему, пусть лопает. Где Илья? Сейчас уходишь—да? Фрэнч выкусила нисью виноградного. Она ушла на лино серраха и сгинулась на пол. Сорваит хрюснул и поидил курил на Ибрагима. Но Фрэнч бешла уже впереди Ибрагима по лестнице. Минуты две двери, она постучала а третью.

Не дожидаясь ответа, Надулюлов толчком ноги распахнул дверь. Корнеев стоял спиной и Ибрагиму. Девушка, прижавшись к нему, перебрала его волосы и смехливо смеялась.

Необъяснимая злоба залала сердце Надулюлова горчичкой волной. Он упер руки в бона и рывкнул:

— Хор-ром!

Корнеев надругнул и обернулся. Не сдерживая болот себя, Надулюлов часто заговорил, мучству, что пугает и говорит с ашентом.

— Кар-ром—да? Кар-ром старшина рудево. Корабль уходит, а у него карта паралада—да? Штурман весь свой язык выдирал, пенно рабыш—это, кричит, старшина Корнеев потерял. Он всегда спит. Непорядок замес. Кар-ром—да? Рудево машина не работает—мин-чи, Кар-ром! Кар-ром! Механик нисой толст. АБ-ай—выходит. Это Корнеев в городе пропал. К юбке прильнулся. Кар-ром—да?

Корнеев отпустил девушку и захлопал глазами.

— Что ты, Надулюлов? Погоди! Карты все запрети и ключ у штурмана. Рудево машину сам вчера вечером проверил—в исправности она. Погоди, не кричи!

Надулюлов вымахнул руками и завизжал:

— АБ-ай. Пагали, не кричи. Я советский моряк—да? Корабль уходит, а рудево толст погизла, старшину ругает так и так. Он, говорит, всегда напутает, такой клещины, а не моряк. Малхорал! Трупа! Не знают, кому на руль встать, чем глабуна мерить!

Кривая зыбляла лицо Корнееву. Забыл обо всем, словно метель, потрепанней в берлоге, он зыркнул.

— Надулюлов. Не забывайся, чорт! Лот же на мостике. Изоткин и все рассасал. Сам ты—переголод лампочка!

Ибрагим сорвал фуражку и Фрэнч ел на пом. Он видел полный третий взгляд девушки. Видел, как она до иронии закусала губы, предчуствуя беду, и знал, что еще случится—а он не выдержит.

— Надулюлов! Пусть и колдору достанет, чтоб я опух, если я пришиб. Идем, смотри сам.

— Корнеев прожамкил руками поправил пояс.

— Идем. Посетить бы только! Выхвальной молча, не спросив ушольнительных, пропущенный бедняк от бега ребыл на доорабль. Корнеев бросился в румпельное отделение. Там возлился двое рудево.

Один заметил Корнеева и винно саявал:

— Товарищ старшина, машина в исправности.

Корнеев крепко выругался и кианул вина и шипу, где хранились карты.

У шкипа на коротком сидел голубый штурман, выбрал лужные энциклапиды, иан и всегда; наивысшая. Корнеев чуть не наделся на лет.

— Товарищ штурман, карты же все в порядке. Лот тоже не промал. Штурман обернул весело лицо свое и кивнул пенно.

— Идем. Посетить бы только! Выхвальной молча, не спросив ушольнительных, пропущенный бедняк от бега ребыл на доорабль. Корнеев бросился в румпельное отделение. Там возлился двое рудево.

Один заметил Корнеева и винно саявал:

— Товарищ старшина, машина в исправности.

Корнеев крепко выругался и кианул вина и шипу, где хранились карты.

У шкипа на коротком сидел голубый штурман, выбрал лужные энциклапиды, иан и всегда; наивысшая. Корнеев чуть не наделся на лет.

— Товарищ штурман, карты же все в порядке. Лот тоже не промал. Штурман обернул весело лицо свое и кивнул пенно.

— Идем. Посетить бы только! Выхвальной молча, не спросив ушольнительных, пропущенный бедняк от бега ребыл на доорабль. Корнеев бросился в румпельное отделение. Там возлился двое рудево.

Один заметил Корнеева и винно саявал:

— Товарищ старшина, машина в исправности.

Корнеев крепко выругался и кианул вина и шипу, где хранились карты.

У шкипа на коротком сидел голубый штурман, выбрал лужные энциклапиды, иан и всегда; наивысшая. Корнеев чуть не наделся на лет.

Сверху вниз: Линейный корабль «Марат», Линкор в боевой готовности. В часы отдыха. Двенадцатичасовая пушка.

ПОХОД ДВУХ ЭСМИНЦЕВ

Очерк К. КОВАЛЕВСКОГО

Командир эсминца «Фрунзе» И. КОВАЛЕВСКИЙ.

ПОХОД эсминцев «Фрунзе» и «Незаможник» начался при благоприятных условиях.

Легкий попутный ветерок сопровождал нас вплоть до Босфора.

С рассветом, при подходе к турецким берегам, то тут, то там стали появляться иностранные пароходы, салютующие нашему флагу.

Красоты Босфора привлекали внимание всей краснофлотской массы.

Громоздкие каменные развалины древних укреплений, поросшие травой и мелким кустарником, заставляли память возвращаться к далекому прошлому, вспомнить о путях древней культуры и империалистических грабежах.

Богатая природа, живописно раскинутые по берегам постройки, обилие острокопечных минаретов, гортанная речь дичников негранично действовали на слух и зрение.

Показавшийся впереди Константинополь завершил красоту картины своими мощными постройками домов, дворцов и мечетей.

В Золотом Рого собралось большое количество иностранных пароходов с флагами различных стран и наций. Среди них мы нашли наш советский флаг, гордо развевавшийся на пароходе Совторгфлота «Ильич». С грохочущими мимо пароходов и барж частенько махали платками и фуражками дружественные нам рабочие руки.

ЖИЗНЬ И БЫТ КРАСНОГО ФЛОТА.

Уборка палубы.

Отдав салют в 21 выстрел, мы прошли в Мраморное море, обогнув на повороте какую-то богатую дельтовую яхту.

Слева грохот Гриневых острова—место временного приюта «российской» эмигрантщины, место откуда расматились по всем «Европам» поставщики жижегого товара, шоферы, офицанты, подделыватели фальшивок и прочая муть, называемая себe спасителями родины.

Но вот и Дарданеллы. Природа здесь менее богата и живописна, чем в Босфоре.

Подходя к Чанану, начинаешь более внимательно присматриваться к берегу, так как к берегу являются следы грозной войны в виде разрушенных зданий, лома железа, сброшенных срудов и т. д.

В одной из бухточек грихотился местный турецкий «бром» (экспедиция поводных работ), который срипит железом поднимаемого военного карабля, потопленного в дерданельскую операцию.

В море тихо. Лишь методичное завывание ветрогонок эсминца «Незаможник» нарушает окружающую тишину. У выхода из Дарданелл на правом берегу показалась колонна, поставленная слезоточивыми и сердобольными захватчиками в память гибели солдат Франции и Англии во время операции у Дарданелл. Присматриваясь к скалам и видя: тут, там, всюду следы урувления... В голову невольно лезут подробности происшедших здесь боев, кровь, обильно орошавшая эти берега, и начинает казаться, что все вокруг красно от этой крови, что даже воды Дарданелл имеют кровавую окраску...

Вошли в Архипелаг. Бесчисленная вереница островов почти непрерывной лентой тянется по правому и левому сорту эсминцев.

Вот Лемнос, вот Лесбос, тот острова св. Георгия и остров Гидры. Каждый остров имеет свою историю и историю древности, историю, полную ужаса крови, величия и человеческого самооболения. Здесь и пираты древности, и торговля рабами, и величие власти тиранов, упадок империй, и, наконец, путь великих завоеваний культуры древней Греции и Рима.

Навстречу попадают довольно часто различные коммерческие карабли. Торговое движение между островами большое.

Оставив позади мыс Маттапан (южная оконечность Греции), мы вышли в Средиземное море и взяли курс на Мессинский пролив. Погода все время хорошая, и мы вперед продвигаемся быстро.

При подходе к Мессинскому проливу на палубе собрались много краснофлотцев, желающих посмотреть на вулкан Этна, но к несчастью погода стала ухудшаться: набежали тучи, и горизонт застлало дождем.

Быстро промелькнул пролив с городами Реджо Мессина, и мы вышли, взяв курс на Неаполь. Начался дождь—вперед встал смерчевой столб, за ним другой. Молнии попадали непрерывной снующей лентой. Две—три молнии ударили в мачты. Дождь пошел крупными каплями чуть ли не в грощину величинной, ветра не было.

Думали все, что до Неаполя нас будет мочить, но через полчаса небо прояснилось, и перед нами пока зался остров Стромболи со своим вулканом.

Стемнело. Начали готовиться к неапольским встречам и приемам и отдыху. На палубе смех, шутки. Часть краснофлотцев увлеклась наблюдением за вулканом, который нет-нет да и выбросит столб яркородного пламени, из камней и лавы.

Утром у острова Капри нас встретили итальянские гидросамолеты. Они несколько раз пролетали низко над нами, и летчики махали шлемами в руки. У входа встречный итальянский катер высадил лодчанов, которые указали нам место стоянки в Неапольском порту.

Лодчанья пытались у этого отказались и испол в отношении места сто

При подходе к бухте адмиралу.

В ответ послышалась с

Быстро один за дру

стенку. На «Незаможн

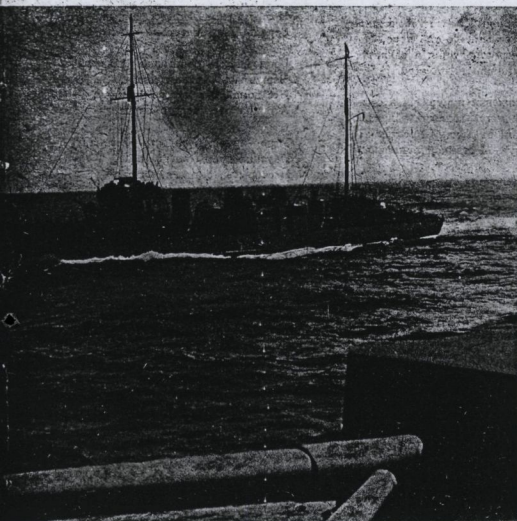
Италья тов. Курский. мандование дивизиона с

внзвено адмиралу и м

ЖИЗНЬ И БЫТ

В часы до

«Фрунзе» в походе.

...правлять кораблем, но мы
...использовали их указания лишь
...люди.
...ли салюты: наши старшему
...... с итальянской стороны.
...... плавали концы зонтичек на
...... грифель наш полпред в
...... встречи полпреда ко-
...... село на берег для отдачи
...... властям Неаполя.

ЖИЗНЬ И БЫТ КРАСНОГО ФЛОТА.

...на корабле.

Стрех часов дня начались ответные визиты итальянцев.

Все дни стоянки кораблей в Неаполе краснофлотцы ходили на экскурсию. Посетили Национальный музей, раскопки Помпей и вулкан Везувий.

По вечерам в кубриках раздавался дружный краснофлотский смех—это ребята делились своими впечатлениями.

Ясные солнечные дни способствовали успеху экскурсий.

Особенно яркое впечатление оставалось у экскурсантов от раскопок древнего города Помпей.

Егох пораил быт древней Италии.

Поголовный разврат, преснищене так ярко вырисовывались в каждой мелочи быта древней Помпеи, что часто приходилось становиться втулик от мысли: «неужели кроме поклонения «животу» и «сложит» в эту эпоху не было ничего более яркого, живого, человеческого».

Каждая картинка, нарисованная на стенах комнат, каждая статуя оставляли в нашей душе какой-то мутный, тяжелый осадок.

Итальянские власти встретили нас очень любезно. Всем экскурсиям были даны автомобили, трамваи, поезда. Есох юрчили сытными завтраками, давали хорошие пояснения всему просматриваемому.

На бакикетах, устраиваемых командованием в честь нашего прибытия, чувствовалось желание доставить нам побольше приятного. Речи и стамвы дышали дружескими уверениями и искренней к нам симпатией.

Наш командный состав был приглашен осмотреть Сорренто и по прибытии на место был встречен адмиралом Накаторо (командиром Неапольского порта) и его офицерами.

Ознакомившись с курсатами города и позавтракав, вернулись на корабли.

На другой день нашего прибытия в Неаполь пришли четыре английских миноносца. Внешнее впечатление от кораблей хорошее: чистота на палубе, чувствуется дисциплинированность личного состава, забота о корабле.

Поведение матросов английского флота на берегу неважно—порядочно пьяных. Англичане за все время стоянки в порту ни с кем не облизались и держались как-то в стороне.

Наша краснофлотцы часто гуляли по городу совместно с итальянскими моряками—знакомились друг с другом. Англичане ни с кем в разговоры не вступали.

Создалось такое впечатление, что им запрещено командованием флота разговаривать с нами.

Ознакомившись с городом и его окрестностями и поблагодарив итальянцев за радужный прием, мы рано утром 8 сентября снялись с якоря для следования в Севастополь.

Обратная дорога протекала в невероятно трудных штормовых условиях.

Уже подходя к Мессинскому проливу чувствовалось, что погода будет штормовая: тучи ветром разрывало и клочьями срывало по небу. Вскоре шквал от морюста перешел в сплошной шторм. Гигантские волны, облебенные башарками, с ревом неслись на наши стальные корпуса, которые, содрогаясь, упорно сохраняли намеченный курс. К ночи шторм озаверел, начало класть до 40° на сорт.

Корабли бросало, как шепки на высокой волне. Борьба с бешеной стихией продолжалась с достойным краснофлотским упорством.

Лишь к утру мы подошли к греческому берегу, который приютил нас от бешеного напора ветра и воды. В Архипелаге стало несколько тише. Одна ночь прошла спокойно. Ребята отдохнули, подкрепились сытным обедом и встретили новый черноморский шторм с окрепшими мускулами.

Так от шторма к шторму шел наш путь до самого Севастополя.

Хочется немного остановиться на впечатлениях, оставленных от похода в целом.

Мы наблюдали за границей рост техники, мы видели новые заграничные корабли, но мне кажется, что наша выучка, наше упорство в желании конечной победы пролетариата всего мира—в тысячу раз сильнее всякой буржуазной техники.

Один факт нашего безбоязненного похода говорит за то, что мы к бою готовы.

ЖИЗНЬ И БЫТ КРАСНОГО ФЛОТА.

Тт. Ворошилов и Мукавич на маневрах Черноморского флота.

ГОЛУБОЗЕМ

Слушайте, кто моря не видал!
Колосится в море пенный вал,
Золотится ширь морских лугов.
Но на волн не выкошишь стогов,
Из воды не надерешь пшена.
Что не сей—а вырастет волнал
Но готовят море для людей
Урожай тучные селдей.
Буря тракторами впахает зыбь,
И засебреются входы рыбь.
О семосуде—никаких забот.
Дело рыбаков—лишь обмолот.
Там, где частник осьминогом рос—
Рыбаки вошли в морской колос.

ОНСТОН

КАРАСИ

Пруд зеленый, мы с тобою жили
Неразлучными по той поро,
Воды черные, густая и залив,
Карасями пахла на заре.

Синь тяжелая и курится и стынет,
Желтой ватой всплыли облака...
Я следил за думами простыми
И за чуткой стойкой поплавка.

И рука ловила трепет стальной,
Если глядь улыбок завлущай.
Золотой, свивающий, буйный,
Проносился на берег карась.

Я дрожал и удил снова,
Был упов увесит и богат,
И в кипучести заревого клева
Сердце било растостный набат.

Громоздилось солнышко на иву,
Чешуилась знойная слюда,
Нес домой я в кузове крапаву,
А в крапиве—золото пруда.

Утро—яркое, и радость—неуема,
Паутина дремы по глазам...
И от рыбы, сырости, наэма
Острый запах долго по рукам.

АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ
Муром

А Д А М

Рассказ ЮРИЯ ГЕНКО

В дни юбилея шестства ВЛКСМ над флотом, комсомола, передавшего на боевые суда своих лучших представителей, полезно вспомнить о старофлотской казарменной воевине, подвергавшей новобранца сверхчеловеческим издевательствам.

Офицерский режим, знаменитая субординация—озлобляли «нижних чинов» и развращали морально неразвитых выскочек из унтеров.

Прим молодых матросов обывае всюду сводился к бессмысленному издевательствам, к попиранию элементарных прав и достоинства человека.

Рассказ Юрия Генко—подлинная картина этой казармы—каторги с ее жуткими пережитками крепостничества и варварства.

I

СЛУЖИЛ он коком на крохотном тральщике «Варь». На той «скорлупе», где люди настолько грывкают друг к другу, что и не о чем им говорить, где работа прекращается одновременно с отдачей якорей и где большую часть времени все скучают от мала до велика.

И имя было у него редкое, не такое, как у других,—Адам, и деревенскими шами пахло от его крепкой фигуры.

Погожим осенним утром команда вызвала Адама на палубу.

Робко, неуверенно ступая по палубе в тяжелых казенных сапогах, пришел он к «старикам» и, вытира коковским фартовым лоскутчиком от камбушной жары подбородок, спросил:

— Чаво?
— Чаво! Эх ты—чаво!..—и гогогом наполнился кубрик.

— Деревня серая, а еще Адам! Смыть с тебя ее шваброй да солюю—не чавокал бы!..

Кто-то от удовольствия стукнул в пилерс оцинкованным ведром.

Команда, предоставленная себе, веселилась по-своему. Адам улыбался.

Ему казалось, что чавоканы всем нравятся. Он далеко был от мысли, что здесь кто-то станет над ним издеваться. Привык к покою у себя в деревне и не оглядывался.

— Адам, вымоешь камбуз, придешь на крестины—окрестишь. Понял? Можешь итти.

— Вечером Адам спокойно явился на стальной плувчий док.

От сойма закатная муть двигалась с ветром по морю, и прижавшийся к рифу Толбухин маяк, казавшийся дальше от Крештагата и с темнотою должен был совсем исчезнуть в сполохнутых водах Финского залива. По деревянным мостикам стены Усть-Рогатки давно прошли уволенные на берег матросы. Рейд затих, почти заснул.

II

На портиках и выступах дока сидела команда.

— Раздевайся!
— Есть!

— Прыгай в воду!
Белесый пар подымался от холодной воды, и свежий ветер равнял его по воздуху, по-осеннему еле-еле нагретому солнцем.

Адам стоял. Не понимал Адам. Не верилось.

— Ну, прыгай, говорят!

— Отморозит—и пять дюймов ребит под уловоганье «самого» боцмана, под хохот и вниг остальных сбросили Адама с дока.

Синие круги крокмаки уарились о срезы дока и расчеченные, ворячаясь вокруг себя, покатались к берегу.

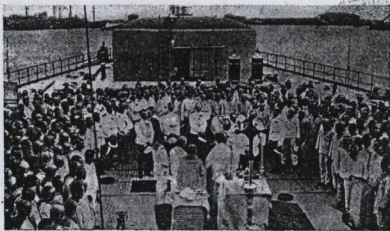
Белая голова вынырнула. Дыхание, вырвавшись из обожженной холодом груди, задержалось в гортани и щелкнуло в открытом рту нечеловеческим криком. Не умев плавать, он еда выбрался снова на док и молча смотрел на довольных матросов остановившихся выпученными от испуга глазами.

— За что?
— Ложись на док!

Лег и молчал.

А тут поспевшее тело грубо схватили, прижали к стали и кто-то, макая в разведенную соду палубную швабру, уже терло Адама по голой спине.

ИЗ БЫТА ЦАРСКОГО ФЛОТА.

МОЛЕБЕН. Читатель, прочтя рассказ Ю. Генко, поймет двуличную политику господ царского флота. Кроет и «банки» неравномерно служили для сохранения порядка.

«Крещается раб боний Адам», — запела довольная команда. Адам терпел. В москалях было бы, может, и легче... Но когда его привалили муть резиновой протиркой и палка у нее проскочила в гнездо и сняла кожу до мяса, обожженный содой Адам заерзался...

— Заткни-тка рот!
— Есть!
— В рот его сунули грязную паклю.
Крестины продолжались. Медленное стонал Адам. Бурно протестовавшее вначале тело ослабло и вдрагивало рене.
— Три егю! Так! — улюлюкали зрители.
«Смывается грязь деревянная во имя отца и сына и святого духа».

«Крещается раб»... Адам не выдержал. Голье колени ударились в сталь, голова повернулась, и, выкрикнув какое-то странное слово, похочел не то на чорт, не то на чаю, он вырвался неожиданно на свободу.

Глаза налились кровью, и темные зрачки блеснули неслыбным огнем.

Но «молодой» не смел так блеснуть глазами, и его снова схватили, теперь связали и волокли с закрытым ртом по берегу, по трапу, на корабль — на тральщик.
Все было будто кончено...

III

Пустая палуба быстро наполнилась командой. Меж коек спустили с подволока железный палубный стол. Старым флагом, принесенным кем-то с мостика, закрыли световые люки, и наспех олимпровизированные «судья» заняли места на рундуках.

В обрызганную посудину флота) перед столом поставили раздетого Адама. Мышце-кряжистые ноги связали тальной цепью, тямелые завязки глубоко врезались в тело, и синие пятна принимали багровый оттенок и полнились к быстро дышащей груди. Руки держали скрученными мокрым полотенцем.

— Вы обявляете в измене обычаям флота. Вы позволили... Ах ты, сволочь, позволил себе, — не выдержав тона «судья», заррал боцман, — во время торжества крестин сопротивляться. Кому? Старикам! Стервал!

— Благости божьей сопротивлялся! За смутью деревянную грязь. Положили!

— Бивовен? Ну!

— Доволь! Едем Васильич...

— Что? Ты к кому ты обращаешься? К крестному или к судье?

— Довольте, ваше...

— Чш! Чш! Ни слова.

— Готовь его!

Жуткая тишина наступила на палубе.

Согнувшись, как козел над столом, сев себе же на ногу, упершись грудью о край стола, прищурился глаз, боцман вытаскивал биосерный почерком текст судебно-судового заключения.

Писание прерывалось хохотом, а в обрызганном стоял Адам.

... Готово!

«Подоумимы» выпрямился...

«Властью, данной от бога, лишаем мы Адама Власова звания матроса».

— Понял? Балда галюнская!

«За глумление над верой и крещением соленой водой и резиновой шесткой поставили теперь же выпать тебе двадцать пять банюк».

— Буельшь?

Адам не поинимал, а белая нацвигалась. Попросить о снисхождении? Хуже было бы.

— Слушай дальше!

«По позднему времени и милости морских тритонов, жабу и лягушек мы скидываем целую пятерку банюк, но, как опасному элементу, ворочившемуся под нашими руками, авансом постановляем еще двадцать пять. Итого — без пятяк пятак десятков!»

— Вона, здорово!

Тщетно пытался представить себе Адам эти вот банюк. И на мгновение у него точно появилось любопытство. Он осмотрелся по сторонам, и это движение заставило поторопиться с приведением приговора в исполнение.

С люка спернула флаг. Адама повалили на стол. Дрошь пробегала по телу. Руки и ноги схватили несколько человек. Адам смотрел на них с нескрываемым беспокойством и видел, как у правой ноги Захаров и Петров долго корчились, приседали и рещали, кто должен дергать колени, кто ступлю.

Других не видел...

Старшина Дюков, не торопясь, уже готовился. Фланелевка и форменка в мгновение были спернуты, за ними с голого тела скользнула тельняшка.

Адам впервые увидел у него на груди татуированный крест и надписи «боже, храни моряка».

Этот человек готовился изобразить палача.

Из бумаги он вырезал маску и в ней выглядел действительно страшно в этой предвечерней обстановке палубы, перед столом-шафротом, на котором лежал распятый Адам. «Палач» медленно подходил к жертве и под хохот «своих ребят» творил какую-то насек придуманную молитву. Вие всяких соображений, он сам был увлечен игрой и, выкрикивая «Осанна! Осанна!», первым ржал от удовольствия.

«Прислужники» в обычных матросских костюмах налили на Адамов живот постного масла, посыпали солью и медленно втирали ее в кожу остербенными долями обычных лукович.

IV

И было так: судья дал знак...

Палач левой рукой вытнул кожу живота, потер по ней небритым подбородком и ладонью правой руки о всей силы ударил по телу.

— Есть первая банка!

Складка вздрогнула, всплеснулась по скорчившемуся животу Адама.

Адам рванулся.

— Держи его!

... ..

— Есть третья банка!

— Есть двадцать пятак!

— Тридцать одна!

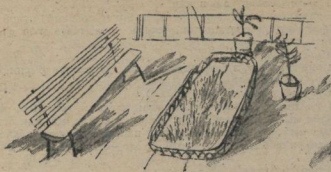
— Ну, следующий!

Палач устал...

ИЗ БЫТА ЦАРСКОГО ФЛОТА.

Обыкновенная картинка из жизни царского флота (боцменосец «Андрей Первозванный»). Проба сил пришедших во флот. Вряд ли эта картинка нуждается в подробных объяснениях.

Высомола

Повесть М. СНЕЖИНА

(Продолжение)

Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

ЗА ЭТИ несколько дней до встречи у завкома с секретарем партийной Павел пережил смутный внутренний этап. Сначала закипела геле «Высомола» целиком захватило габит. Штаб «Высомола» буквально жил на крыше. Здесь уже выросли беседки, эстрада и библиотечный павильон. Уже вабижии перила по лестнице на поднимающихся на «Высомолу» люди. Уже на полнотой скюда и уложенной в узорные деревянные рамы земге лодке вхожили травы и будущие цветы.

Ребята жили претворением своей идеи. Они раздобывали чудеснейшие вещи, дружно таскала сюда стулья и картины, тарелки и цветы, перенесли в спортебсеудку гантели, тренировочные приборы по боку, специальную библиотеку.

В подарок «Высомолу» Хатюк даже принес прекрасный гостиний вентилятор, в свое время подаренный со стены в кабинете бывшего хозяина завода. Кроме всего, этот вентилятор обладал удивительной способностью поворачиваться во время работы во все стороны. Вентилятором долго любовались, пока спортиструктор не сказал, что здесь, на такой высоте, собственно, не нужна эта буржуазная игрушка. Когда все поняли, как нелепо выглядит это электрическое опалохо бывшего хозяина здесь, на свободном и повзвезанном «Высомоле», сам Хатюк долго смеялся вместе с ребятами, совсем зашурял запорные глаза.

— Чи я, мамо, гегерис, чи я, мамо, недорис, шо такой подарунок на крышу прысно? Але ж, кодашня, назвал я його выршиш не примяти. Везты тыи махалку на ярямарок, а гроши—до «Высомолу» гаманеа.

Каждый час возникали новые мысли о деталях «Высомола». Но были и споры. Одни стояли за то, чтобы приобрести гамаки. Другие обвиняли «гамакиников» в мелочности и считали более важным разрешение вопроса о том, нужно ли предоставлять эстраду «Высомола» несезельм докладчикам из района и распространителям газет. Группа сторонников «высота только для молодежи» выдвигала целую платформу:

— Если сюда смогут приходить все, то нам не останется места для чисто молодежной работы. Наша крыша превратится в балки для домохозяек. Кроме того, напоминаю штабу, что рабочие не отдыхают вечерами без своих жен. А никто не посмеет утверждать, что семилетняя жена товарища Дергинга (без применения технических средств (как-то: лебедки, подъемника или тальмы) не сможет почтить своим присутствием «Высомолу». С другой стороны, жена товарища Бруско может впасть в истерику посреди лестницы («Ах, ах! Держите меня, я падаю с ужасной высотой»). А мы не можем располагать средствами на приобретение парашютов.

Их оппоненты держались диаметрально-противоположной точки зрения:

— Вы выказываете политическую близорукость. Мы должны воспитывать всех, кто пожелает к нам прийти. Мы предлагаем вынести благодарность пожарному отелу, который наложил следуюшую резолюцию на нашем заявлении: «Против устройства киносеансов на крыше формовочного цеха не возражает в категорической форме, так как на этой крышном пелухе не во что вешаться своим пламенным вредительским кловом. Приветствует от имени огненных борцов организацию «Высомола» и поручает выборным товарищам безвозмездно проводить декурства пожарников на крыше». Дальше мы предлагаем держаться в будете небольшое количество чистого лива для тягивания в работу и постепенного переноситания закоренелых алкоголиков. Мы усматриваем возможные возражения, вроде: «Увидит алкоголик с крыши свою квартиру, потянет его к столу, и он предпочтет итти прямо через перила, чем обходить

по лестнице кругом». Эти опасения неосновательны, ибо у нас будут бдительные дежурные.

Но все эти споры не мешали ребятам дружно и яростно творить. Дело было готово уже больше чем на половину, и уже женойетел строителя «Высомола» приступил к изготовлению разноцветных фонариков.

В эти дни Павел забыл о своей тревоге, об Анке и Шеглове, и если и вспоминал инюга о Борисе, то не иначе, чем мысленно обращаясь к нему: «Ну вот, и у нас ресторан на крыше», только не такой, в каком когда-то заседал у Гартмана твой папаша». Он увлеклся и находил поразительно веские доводы: «Вот, как будто на вид и пустяк, но даже твой культ заграничной чистоты он разобьет уже по одному тому, что ребятам не захочется утром, после спорта на чистой крыше терпеть грязь на своем станке. Глядишь, и поаккуртнее станут. А там и цех начнут полищать. Я уже не говорю об общественном значении нашего дела, товарищ Шеглов,—вы, ведь, не любите даже думать о нем».

Борис, между тем, уже несколько раз встречался с Анкой. В этом ему помог сам Павел, в суматохе совсем, казалось, переставший замечать, что у Анки синие (и, по-особенному, синие) глаза. Эти встречи позволили Борису понять, что Павел все же живой и опасный соперник, герой улодежной затеи, смуглый и смелый крепыш, от которого можно ожидать неожиданный похода на таинственной тропинке чувств. И потому еще, что Борис почувал со стороны Павла несущую атаку на его настроения и весь внутренний уклад, он старался развенчать Павла по всем линиям. Всюду он высмеивал своего противника:

— Наш мартовский кот, обезумев от весны, повел нас заданную крышу вытирать, а на земле вас все больше и больше засасываю трыш.

Он так подчеркивал «грязь», что она начинала звучать слишком многозначительно.

— Спецежду нам дают только для того, чтобы отвести от «грязи» наши глаза. Ведь, того, что выдают, нехватает на указанные сроки.

И рабочие смотрели на его собственный плащ, который превратился в морщинистого старика на глазах у всех. А, ведь, они работали с этим плащом на одном заводе...

Внизу начали связывать крышу с малейшими житейскими недостатками. Нехватало болтов, и сейчас же вспоминали, что много болтов истрчено на постройку «Высомола». Рабочему отказывали из-за недостатка энергии дать электрическое освещение в квартире, и тот указывал пальцем на крышу: «Там можно лампочку вешать, что вороном светило, а рабочему нельзя».

Был с Павлом грех. Он дважды опоздал на работу и сабелю прогнул, уехав в город за фонарем для высомольной кинобуки. Павел очень боялся, чтобы не продали этот фонарь, ибо ему сообщили, что больше фонарей в магазине нет и будет нескорю. А на заводе гремела борьба с прогулами, борьба за полную загрузку рабочего времени, и Борис тонко использовал горячий момент.

— Коты проводят бессонные ночи на крыше, а производство страдает из-за них. Кричат о социалистическом переустройстве производства, а вместо этого рай на крыше устраивают.

Во всем этом была, конечно, замешана Анка.

Так постепенно росла ливя выключал том до того момента, когда собрание, о котором говорили у завкома Павел и Бруско, не оборвало достройку «Высомола».

Когда обманный, но все же пожелавший приятных снов Степан Егорович отошел от скамьи и направился к беленькой колдонии «Индустрия», Павел жмал руку Бруско и пошел через цеха на формовку.

Щел предпоследний час второй смены. Реже поднимали подъемными вагонетки с диносовой массой, которая дол-

© Снежин М. № 17, 18 и 19.

зна выйти с завода в квадратиках, квадратах, конусах и ромбах огнеупорного кирпича для доменных печей, мартенов, стеновых ванн; молчала прибывшая из Германии дробилка; стоял проза «Бука», а двадцать раз обогнавшие труд кустарей. В начале формюки на известковой мешалке Павел встретил одного из работников штаба «Высомола». Павел еще раз сравнил эту машину с огромным выменем, которое корнит известковым молоком бегуны, расплывающиеся квадраты. Два огромных локомотива псыли известковым молоком и когда на сигнальном нумераторе вспыхивает номер бегуна, а бегун резким звоном трещет молока, машинист поворачивает один из кранов и доит огромное вымя, посылая по тоненькой трубке в бегуныи цех жирное известковое молоко. Павел вспоминает, почему пришлось заменить работавших прежде на мешалке работников мужичинами. Борис Щеголов сочинил ряд тонких анекдотов, посвященных работницам на мешалке.

«Паша Сильченко, старшая работница мешалки, заявила на производственном совещании, что ее работа на мешалке тормозит узкий таз. Совещание постановило: «Коллективными силами, по заявлению работницы Сильченко, расширить ей таз в помещении известковой мешалки».

Или:
«Разъяренная работница Клавдия Шулина прибегала в бегуныи цех, собрала всех бегуныициков и закричала: — Пора бы вам перестать звонить. И знает, что у меня теперь нет молока, но в этом виновата не я, а мастер».

Нашлись такие, что похватывали эти анекдоты, разукрашивали их откровеннейшими подробностями и тиражили работниц. И никто не смог справиться с этой травлей, которая маскировалась под вид шутки.

Член штаба «Высомола» взглянул Павлу в лицо и сказал:

— Ты все горюешь, Павлик. Лопнуло наше дело на пока... Ты куда?

— Схожу, посмотрю, что там у нас,— тихо ответил Павел и вдруг прорвался едиными замесами против такого времени, когда нельзя ни на минуту попутать о солнечном отдышке, а все силы и силы на черновой работе, которой, как видно, никогда—никогда не будет конца».

В полудне слишком пусто и голо выглядели недостроенные боскеты, обвисшие и брошенные провода, пустые и грязные скамьи. Под ногами что-то зашевелилось. Павел нагнулся и разглядел обрывки цветной бумаги, как будто кто-то взял, искромсал и разбросал ярче мечты...

— Вот тут бы нужно еще столки для читальни...

Павел, думавший, что он—один, чувств заметно вздрогнул и оглянулся.

Узнавшийся за ним член штаба проговорил это так просто, как будто работы «Высомола» никогда не откладывались и завтра начнутся, как начинались каждое утро совсем недавно.

— Нескоро начнем Павел?

— Начнем... кончатся...

Странный вопрос и странный ответ. Как понять их теперь, когда, действительно, по выражению Бориса, на «Высомоле» залетают одни старые деви, да и те из... галок.

И вдруг они услышали, как визгу под ногами долго и настойчиво прокричал какой-то бегун. Этот звонок требовал известного молока, он злился и недоумевал, почему до сих пор не удовлетворена его голодная пробыса... Павел зло посмотрел на члена штаба и сказал так, как никогда еще не говорил с «высомоляцами»:

— Ты... Брысь вниз, кормилица беголовая. За мной на крышу уваялся, а там работу бросил. И так уже о нас говорят.

«Кормилица», неистово покраснев, побежал к лесенке. И сразу же с лестницы, в которой побегал член штаба, послышался отчаянный крик: «Сорвался!»—резуно Павла по сердцу. Он побежал вниз и увидел мчавшимся к мешалке того, кого он считал разбившимся. «Бежит, значит—жив!»—успокоился Павел и, остановившись, прислушался к отчаянному крику «кормилицы».

— Я здесь! Я здесь! Сейчас дам молока,—ревел он, как будто его могли услышать далеко под низом, в бегуноином цехе, где гондал по вине «кормилицы» неведомый бегун.

Позже Павел подошел к мешалке и сказал члену штаба «Высомола»:

— Так и должно быть. Борис в одном прав: нужно нам работать и на земле и на крыше. Уже тепло, начались лунные вечера, и дни—большие. Скажи ребятам, чтобы собирались ко мне. Я сам передать не смогу—работую в третьей смене. Но пора начать...

— Кончатся?—перебил член штаба.

— Нет, доделывать начатое.

За воротами Павел услышал слишком знакомый смех. Он посмотрел вперед через речку и увидел две удаляющиеся фигуры. Смеялась, несомненно, Анка.

— Кто же с ней?—спросил у самого себя Павел.

И боялся ответить...

***

Борис невдалеке видел побегу.

Густые весенние вечера шелестели травами. Жалобы речных обитателей на западающую весну теперь сменялись удовлетворенными вздохами, которые временами вырвались в испуганный хор ладности и неги. По уже готовому ковру ростков неслышно ступал в новых спортивных туфлях умирный и первосотлитанный ветер... За

Он посмотрел через речку и увидел две удаляющиеся фигуры.

рекой он никому не мешал... И в Борисе оишла любовная мудрость, подкрепленная техникой «эмемских мастеров».

— Я люблю весной машины,—даже они оиживают под дуновением пробуждающейся любви. Вот послушайте, Анка как неравномерно забились сердца наших «Дизелей». Всю зиму машинист не выпускал машины из-под надзора, он не сводил с них глаз. А сегодня в его голову забрели такие мысли, что ему стыдно стеснять весеннюю радость машин...

— О чем же думает машинист?—спросила Анка, глядя на его лицо, светлые волосы и опущенные на серже глаза рзвнцы.

Борис ждал этого вопроса и ответил с готовностью:

— О девушке. О красивой девушке и красивой любви думает машинист и забывает в эти минуты, что у него на лице масло и копоть, а сердце обязано чувствовать только близость доверенных ему машин. Может быть, машинист думает о такой девушке, как вы, Анка, с такими глазами, как у вас, с таким стройным и душистым телом...

И Борис склонил лицо к открытому плечу девушки.

— Борис, не кланяйтесь,—говорит Анка,— поднимите голову. По-моему, только плохой машинист весной забывает машину. Я, ведь, тоже машинист. Что если бы я забросила свои штепселя и замечталась бы о ком-нибудь? О, тогда я сразу попала бы на черную доску.

(Продолжение следует)

ЛАКИРОВАННАЯ

Ну, как же ей можно,
минуя всех,
Мимо ячеек
пройти равнодушно,
Если отсек
душка!
Сегодня «она»
вашел в мастерские,
Нюру, конечно,
кинуло в жар
(— Брови какие!
Глава какие!
Не мужчина,
а прямо—кошмар!!!).
Вот только слез
немножко старо,
Но какие
шикарные кудри!
И «она» вымывает
ее на бюро.
Ах она
даже чуть
не забыла о пудре.
Краску
она только чуть наносит,
Больше нельзя—
это против мол.
Теперь надо
мушку поставить на носик,
И она не мешина, а
«бо-монд»!
Надо-ж, как следует
быть на бюро,
Для того, чтобы
встретиться с «душкой».

(Если парни
«под мухой» бывают порой,—
То девушки
часто «под мушкой».)
Да,
чулочки еще,
Шелковисты, они точно кружево:
прозрачны,
легки.
Добавим,
что Нюра
не кушала
Неделю
за эти чулки.
Но, вот, зеркалам
улыбнувшись игриво,
Сна покидает
родную епархию,
А на бюро коллектива
Не входит сна,
а впархивает.
Взгляд на отскера
(она не забудьте
Улыбается так же вот,
как в кино.
Ее любимица
Лиа де-Пути)
Но...
—Комсомолка Глыбова Нюра!
Вы
Обвиняетесь в том,
что, подобно
От ботинок
лахудре,

до головы
в пудре.
Потом еще
добавенье внесу,
Вм каждый день
на фокстрот,
А потом, почему
эта грязь на носу,
Не сотрите?
Лучше бы в Нюру
ударил гром бы.
Слезы у Нюры
вот, вот полютюся.
И она вылетает с бюро,
как бомба,
Красная,
как революция;
Не исключают Нюрочку,
но—
На душе
у Нюрочки пусто,
И надо сказать
к отскеру давно
Пропало всякое чувство.
Она же не знала,
что он—дурак.
Но дни проходят,
а там уж
Выходит Нюрочка
кое-как
Замуж.
И через год из выписки
Мы узнаем, что Глыбова
— Механически выслала.
В. СОЛОВЬЕВ

ТРАГЕДИЯ ТЫСЯЧ

Очерк ПАВЛА ЛОСЕВА

I

ОНА пролегла сквозь леса, болота и гати, ята укая, как Марусяна жизнь, и пошла. Там, за крутыми вершущами рясных осен начинался новый невиданный мир. Оттуда еждневно к серому вокзалу степенно прибегал чернявый паровоз, который стеклодувы в намешку провалил «кукушкой».

Глух Уршел— край стекла и болот. Непроходимы, непролазны, неизмеримы основные дебри. Суровый ветер, как лещиник, пробирается сквозь хвойные чащи.

А в заводском поселке по праздникам гутари пьют водку и ругают похабную жизнь.

Эти несласовые, горькие дни пронсидили в голове Маруси быстро, как на зкране. Казалось, никогда на заводе не было хороших и теплых минут.

Комсомолка Маруса Куксина привязала к перекладине бечевку, умело захлестнула петлю и, сунув голову в веревочную пасть, толкнула из-под своих ног табуретку.

Марусино тело забилось в судорогах. Ее нашли на другой день на сеновале, сплужую и сиюю удалевину. В ячейке долго думали как хоронит Марусю— с музыкальной или без.

Наконец, решили с музыкой, и Ваня Листиков—секретарь ячейки—произнес на могиле мудрую речь.

— Товарищи, комсомольцы так не умирают, товарищи. Надо в бою или еще как... позор и проклятие бесславным смертям!

Но под конец Ваня смилостивился и попросил «почтить память товарища Куксиную» похоронным вставанием.

А партия Срлов, сплонув, произнес: — Вот, знать, дура была. С чего повсисала? Если что болит, в ячейку заявя, чай, оказали бы помощь посильную.

Срлов, наверное, не знал, что Маруса не раз обращалась в ячейку.
— Помогите,— говорила она.— Сил моих нет.

А Ваня Листиков сосредоточенно чертил диаграмму о росте и формах и, нахмурившись, отвечал:

— Надо быть выше сплетен, товарищи. На то вы и член всесоюзной организации комсомолка, товарищи.

Несколько времени наад на заводе пустили слух, что Маруса больна сифилисом. Слух разлетелся по «беспроволочному телеграфу».

— Подлячка!—кричала дома свекровь и била горшки, побывавшие в руках Маруси.

— Подцепила, шлюха,—твердил муж.
— Всех огноит, паскуда!—шипели соседи.

— Будь выше сплетен!—убеждали в ячейке.
И Маруса возмыслась над сплетнями с высунутым языком и кровавой пеной на губах.

Заводской врач, осмотрев ее мертвую, вздохнул, поправил пенсн и сказал: — Здоровая была девушка. Только бы жить. Никакого сифилиса.

Далек Уршел. Даже ветер никуда не унесет историю Маруси.

II

— В «разном» у нас есть заявление комсомолки Смирновой о выходе из комсомолки,—заявя вымолил секретарь.

Безя—ячейковой делопут—покапался в бумагах и, вынув оттуда незмятый листок, начал читать.

Бера Смирнова работала на фабрике имени рабочего Ф. Зинькова в Иваново-Вознесенске, в городе советского ситца, в красном Манчестере.

«Это было ранней весной, когда пахло цветущей сиренью, когда соловьи пели про любовь». Так писали в плохих старинных романах. Кажется, так вышло и с Берой. Встретились в Куванском лесу, за городом, около мутной речонки Увади.

Он комсомолец Птицын, активный парень, замечательный певец. Бера нравилась его голосу, напевавший задшевую песенку про «эмпица». Стали вместе ходить в кино, на комсомольские собрания ячейки.

Через три месяца, когда Бера гуляла с Птицыным в Петриховском парке, случилась нехорошая история.

В углу парка Птицын пытался взять девушку. Бера отбивалась, парвала лицо парня и, наконец, не выдержав, закричала.

Птицын быстро вкочил и, отряхнув брюки, с упреком бросил:

— Ну, уж и кричать!.. Ведь, я пошутил. Потом он стал добиваться согласия девушки. Бера сказала:

— Распишемся—тогда и... А так обманешь ты... Куда я с ребенком!

Однадни Птицын заманил Веру к себе на квартиру и подполно возбуждающим. Но дело опять сорвалось: помешал пришедший случайно товарищ. Тогда Птицын решил.

— Паццо!—тряхнул он головой, гуляя с Верой в саду,—была не была! Завтра распихемся. Только пусть об этом пока никто не знает... Согласна?

— Согласна, — трепетно прошептала Вера и на другой день не менее трепетно вывела на гербовом листе загса свою фамилию.

— Куда же ты?—спрашивали подруги по комнате, заметив как усердно увязывает вещи необычно веселая Вера.

— Уезжаю!—смеялась она и по секрету застенчиво сообщила:

— Расписались мы.

— Счастливица, Вера, — завидовали девчата, — ну, живи хорошенько. Желает тебе счастья!—И целовались на прощанье.

Каково же было их удивление, когда на другой день грустная Вера возвращалась с вещами обратно на старую квартиру.

— Ты что это, Вера?—тревожно встретили подруги.—Аль разладили?

— Выгнал!—с трудом оказала Вера. Сказала и заплакала. Она плакала долго, до самого вечера, навзрыд, как ребенок. Да и было отчего плакать. Птицын грубо выгнал ее после первой ночи, заявив:

— Хватит—лбжажествовали! Пора и честь знать. На кой ты мне теперь такая. Сегодня—разводную!

Вера сообщила об этом в ячейку. Вызвали Птицына:

— Было такое дело?

— Было... Но это касается меня лично.

— Так-то оно так, да все же ты, брат, с девками-то полегче. Нехорошо! И историю затерли.

Через месяц, не дождавись результатов, Вера подала заявление о выходе из комсомола.

— Удовлетворить просьбу?—спросил секретарь.

Было поздно, хотелось спать и все сказали:

— Удовлетворить!

Вася поспешно записал решение в протокол.

III

Повозка с красивым крестом, таратах, подкатила к больнице. Молодой врач нагнулся над телом, взял за руку и глухо вырвали:

— Поздно... Умерла...

Из списков ячейки, где состояла Вера Смирнова, выбыла вторая комсомолка. Она не подавала заявления, она не успела этого сделать.

Соня Полушкина была сирота. Негрмотная, забытая девушка, вчера пришедшая с полей, наминалась в няни, а прачки и на любую работу.

Знакомый коммунист устроил ее на фабрику Зиновьева, и скоро Соня стала образцовой ткачихой.

Один раз комсомольская ячейка созвала совещание девушек. Пригласили и Соною. Высокий парень из областного красиво говорил о девичьей доле, о чутности, о товариществе и звал девчат в комсомол.

Скоро Соня заявила в ячейку. Шум и гам комсом, табачный дым и деловая нахмуренность секретаря смуглили ее.

— Мне бы анкету...—робко произнесла она.

— Анкетку? Пожалуйста!

Секретарь вежливо, как торговец, закутился перед девушкой и подал анкету. Обсодренная приемом, Соня заулыбалась.

— Только я, того... неграмотная.

— А-а! Ну, это дело поправимое. Захаров!—крикнул секретарь круглолицему комсомольцу, торговавшему в ячейке, — Захаров, помоги вот товарищу.

Кусту Захаров, заводской пижон, увидав Соною, расцвел.

— На Рыльку к бабке сходи. Снова любить буду.

Соню схоронили без музыки и без речей. Теперь, когда заезный инструмент из областкома собирает совещание девушек, они говорят:

— В комсомол вступит? Спасибо, мы еще жить хотим!

IV

Маруси, Веры и Сони не одни. Вы читали «Перую девушку» Николая Богдана.

— Всех сгноит паскуда!—шептали соседи.

— С удовольствием!—вслух произнес он, а про себя подумал: «гарная дивчина, надо стрельнуть!»

До крыльца Соиной квартиры шли вместе.

— Я прощаться не буду,—нежно глядя на девушку, сказал Захаров.—Вечером увидимся, я думаю.

Знакомство выросло в любовь. Скоро Соня забеременела.

— Костя, — стыдливо потупив взор, обатлилась она к Захарову, — матьяру уду.

Костя подпрыгнул:

— Ну!

После этого вечера, когда Соня сообщила о беременности, Захаров стал избегать встреч. Соня обо всем рассказала подругам, подруги—в комсомол. Но там сурово обрзали:

— Не наше это дело чужое бельё ворочить. Пусть их сами разделяются.

Тогда девчата нажали на Захарова, и тот, явившись вечером к Соне, сунул ей четыре потрепанных платерки, шепнув:

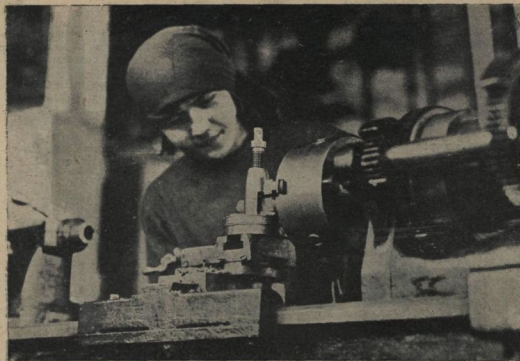
нова? Он спрашивает: «разе тысячи девушек не переживают эти «неуязки»? Трагедия первой девушки не жила ли, она и сейчас?»

Да, эта трагедия жила и сейчас. Трагедия тысяч разворачиваются на наших глазах.

Мы рассказали вам три случая безобразного отношения к девушкам в Илановской промышленной области. А посмотрите внимательно вокруг себя. Нет ли этого в Воронеже, в Харькове, в Ульяновске, в Барнауле?

Сколько красивых, прислащенных рефератов произносится о девушках. Активисты Костромского округа, наверное, не раз громили боярские взгляды на женщину как на вещь. И эти же активисты спокойно и расчетливо травили первого в области секретаря окружкома тов. Расторгуеву.

«Но больше всего я хочу,—говорит один из героев «Первой девушки» Богдана,—чтобы ребята осторожной и внимательной относились к девушкам». Этого хочет весь комсомол.

Токарь Степанов за работой.

ВЧЕРАШНИЕ И СЕГОДНЯШНИЕ „ФАБЗАЙЦЫ“

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ стройка с каждым днем развертывается во всю ширь. Квалифицированных рабочих не хватает. Пополнение этих рядов дает школа ФЗУ, воспитывающая не только квалифицированных производственников, но и культурных общественников, нужных пролетариату.

Тов. Куйбышев в письме к хозорганам пишет:

«Хозяйственный и политический смысл брони подростков заключается в том, что она систематически должна вводить в промышленность новые кадры квалифицированного, культурного и политически сознательного пролетариата».

Школа ФЗУ действительно дает новых квалифицированных рабочих!

Молодо и нужно для примера привести работу школы ФЗУ завода АМО. Она существует с 1922 г. и имеет уже на заводе «ветеранов-фабзайцев». Как ни странно, а бывший «фабзайцем» теперь превратился в солидного «зайца», Барулов ныне заведующий контрольным отделом, а тт. Хрулев, Фильшер и другие несколько лет по окончании ФЗУ проработали на заводе и стали мастерами.

Вчерашний «фабзайц» тов. Фильшер ныне послан за опытом к американцам.

А сколько ребят на общественной, партийной работе?

На ближайших четыре года Советскому Союзу нужно восемьсот тысяч квалифицированных рабочих.

Амвская школа ФЗУ даст некоторое количество из этой суммы.

Весной этого года было выпущено 36 человек. Школа растет. Еще на первое января 1929 г. занималось 182 человека, на 12 сентября уже 214 и на февраль 1930 г. будет 225 человек.

Амвский фабзавуч готовит нужных для своего треста рабочих: слесарей, токарей, фрезеровщиков, строгальщиков.

Квалификации заманчивые и обещающие перспективы.

Поэтому в текущем году было подано до 130 заявлений. После отбора принято 60 молодых, заводных «фабзайцев».

Вчера шумевшие в школе-семилетке, сновавшие по этажам бирки, сегодня все шестидесят встали за «тиски» и пока работают деревянными инструментами.

Среди мальчишеских лиц выглядывают довольные девчачьи. В движениях различия нет. Деревянные напильники равномерно двигаются то слева направо, то справа налево.

Начинают исподволь. Пробегут дни, эти же ребята еще уверенней станут за настоящие тиски, станки.

Работа в мастерских чередуется с классными занятиями, общеобразовательными и специальными: механика, черчение, технология, автомобильное дело, которые заполняют учебные часы. И опять шестел ремней, звуки отлетающих стружек манят к себе ребят.

Глава фабзайцких Степановой зорко проверяет работу ребят, аражающегося в апельсиновую броню.

Копна волос фрезеровщика Матусова видна из-за деталей станка, а разве один Матусов?

Молодые, но серьезные лица за каждым станком, тисками; где-то под потолком глухо протрещал выносок. Разом, словно по команде, остановились станки.

Заговорила «шумливая когорта», высыпая на улицу для пятнадцатиминутного отдыха.

На физкультурной площадке новички занимаются гимнастикой; приподнимаясь на носках ног, высоко закинув руки за голову, они с чувством отдаются команде инструктора.

Весельчак Митин, собрав вокруг себя ребят, в сотый раз рассказывает басню Демьяна Бедного: «У лавры Троицкой в слободке...» Смех от души. И с «Маврой» пятнадцать минут как не было. Опять все слушают говор станков.

Во втором этаже своя жизнь. В малых уютных аудиториях занятия Русский язык. Общее знакомство новичков со школой.

Заведующий школой, выдвинувшей рабочий тов. Чураев подробно объясняет им значение фабрично-заводского ученичества. Ему помогают педагоги, подбор которых имеет большое значение для Амвской школы: тт. Бугакин, Львовский, Зарский, Луры и другие известные, как лучшие педагоги. Инструкторский состав подобран со специальной поготовкой и частично из старых рабочих завода, которые пользуются авторитетом у ребят.

Школа на высоте своего положения. Месячная стоимость одного ученика удешевляется; так в 1927 г. она была 50 руб.; в 1928 г.—67 руб.; в 1929 г.—62 руб. Удешевление идет за счет повышения производительности мастерских Средний же заработок «фабзайца» 34—38 руб. при преимущественных расходах 2 и 3.

Новички за физкультурной зарядкой.

Вчерашний «фабац»

Тов. Барулов, зав. контрольным отделом з-да «АМО».

Не все школы равняются на АМО. Если заглянуть на Трехгорную Мануфактуру, то совсем другая картина. Подготовкой новых квалифицированных кадров никто не интересуется. Это в то время, как прирядная фабрика нуждается в рабочих и приходится делать экстренные выпуски из ФЗУ.

Оказывается причина такого безобразного отношения крылась в ведущих отделениях. Пока они получали деньги за занятия с фабазавчиками, они работали, стоило прекратить выплату — и ученики увидели брезгливо сморщенные физиономии завов.

Еще хуже дело в школе ФЗУ Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Если на Трехгорке недостаток квалифицированной силы, то здесь из тридцати пяти кончивших ФЗУ только пять работают по специальности, остальные на черновой работе. На дороге слесари-паровозники не нужны, но школа выпускает только их.

И все же, если все школы пропустят находящихся в броне подростков, то промышленности в течение четырех лет получат только 18 тысяч квалифицированных рабочих, тогда как потребность в 800 тысяч.

Поэтому сейчас ЦК ВЛКСМ в порядке предложения поставило перед ВСНХ вопрос о дополнительном приеме в ФЗУ 65 тысяч подростков.

Комсомольцам нужно вести борьбу с черепашьим темпом работы по подготовке квалифицированной силы, ибо гоним на нее грозит сорвать пятилетку.

Покончить раз навсегда со взглядом «Наша хата с краю...»

А. ВОЛЬСКИЙ

Очерк И. КУДРЯШОВА

Что за странная цифра? Пожалуй, не всякий ответит. Но представьте, вам обязательно необходим ответ, как читается эта сложная цифра; или нас действительно обидели клопы, куда пойти, кого спросить, как избавиться от мешающего зверя? Оказывается, достаточно позвонить по телефону, если вы находитесь в Москве, или кутить в первом появившемся почтовом отделении специально карточку для справки и послать ее в Бюро обслуживания Паркомобилей.

«Всеядники» за работой.

Многих товарищей, особенно из молодежи, интересует вопрос о покупке велосипедов, о поступлении в учебные заведения. Бюро обслуживания вот же день отсылает ответы на такие вопросы.

Бюро задало справки, и все-таки из них не остался без ответа, за исключением голых, торчащих, посланных гражданами ради развлечения.

Одного молодца интересует: «Где зянут ринит», другое беспокоит: «Сколько денег, сколько из них хороших», и сколько получают алименты? Заботливый пыльца, вероятно, через пыльную решку запросил Бюро: «Где и когда открылась специальная вырезательная камера для всех пыльных Москвичей, и на каких условиях туда понадают?»

На какие только вопросы можно ответить, Бюро знает точный и быстрый ответ.

Так из Харькова спрашивают: «Где, в какой больнице находится развитый паралитком большой Иванов?» Бюро немедленно позволило во всем больничном, Иванова не оказалось... описка узнало и отделило в Харьков: «Большой Иванов находится не в больнице, а у своего приятеля; и вовсе он не раббит паралитком, а болел ревматизмом».

Или товарища интересует: «Как писать сценарий? Он просит приложить хоть один лист готового сценария — его просьба была исполнена».

Из провинции получили запрос: «Почему в нашей деревне никто не выиграл по лотерее Осеванхайма? Пришлось послать разъяснение о розыгрыше».

Человек, вернувшись из захватившей гражданскую войну, спрашивает: «Укажите точную дату взятия Мариуполя красными войсками».

Рядом с таким серьезным вопросом, задает вопрос какой-то «весельчак» из Иванов: «Как здоровье Ивана Ивановича (рыбного)?» или «Сколько твердых знаков в полном собрании сочинений Льва Толстого?»

Спрашивают о глупостях, люди забывают, какое значение имеет первое в мире Бюро обслуживания. Именно так культурно-общественная организация Бюро обслуживания впервые организовалась только в СССР. Поэтому к такому учреждению надо относиться с большим уважением.

О его необходимости могут ответить: в первую очередь, бесчисленное множество звонков москвичам по телефону, в которых, в 200 писем, присылаемых ежедневно из провинции.

Бюро обслуживает только 47 сотрудицами. Благодаря рационализатору и новатору молодой молодежи они справляются с такой сложной работой.

Не только Москва имеет возможность получить справки по телефону, сейчас в городах открываются свои областные бюро, так, например, открылись в И.-Новгород, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Ленинграде, Харькове...

Тут все, что хотите. Только, пожалуйста, без «рыцких»!

По картотеке любая справка.

СЛУЧАЙ НА ОДНОЙ СТОЯНKE

(Перенос с 7 стр.)

У штурвала стоял Ивонин. Второй штурман командовал у главного колеса. Командир, идя на нос браньер, спорил о чем-то с механиком. Сигнальщики возились с фалами.

Ивонин снял глаза и заметил: — Не бойсь, товарищ старшина, все в порядке. Проверим рулеву!

Корнеев сбегал по трапу в машинное отделение. Незаметно когда успешней переодеться в синий рабочий костюм, хмури ливший свой лоб, Надудлов стоял у динамометра и что-то вытаргал неспокойно.

Корнеев так хлопнул Надудлова по спине, что тот поконил зубами. Не помня себя, Корнеев выкричал:

— Надудлов! Подлец! Провокатор! Обмудил крутом!

Надудлов адронрал всем телом, вернувшись Корнееву перекосившись от злобы лично.

— Товарищ, не мешай работать на вихре — да?

А уж наверху раздалась свистки браньерной дудки, топот ног, открытые выкрики команды.

— Старшина Корнеев — и штурвал!

Корнеев поправил фуражку и сбегал на мостик.

Он видел, как корабль, оттого что выбрался янорь, медленно отпалывал; видел озабоченное лицо командира, седые его усы; видел, как командир начал ругать и, заглушая все звуки, крикнул вниз:

— Отдать швартовки! Шары на мачты!

Корнеев ощущал ногами и всем существом своим, как дрогнул корабль и несильно пошел вперед. Как и всегда, в этот момент у Корнеева хорошо защемило сердце от поинтой толстой человеку морю работы.

Когда Везувий, безмятежно дымя из своей трубки-кратера, slowly опускался позад, а впереди легко открытое море, и вечные спутники

морнорв-чайки, перелетывая криками уж преследовали корабль, — снова застесалась бранимовыкая дудка.

— Поддастелные вина! Вступите, халовый вахте!

Когда Корнеев хотел уйти с мостика, неистый голос комиссара остоянова его;

— Займите посты ко мне.

Черные клубы дыма закрывали его носом; по красные крылья полотноца снова обособились и бодро развевались по ветру.

Комиссар сел за столом и начал что-то. На стук и двери он обернулся, резко поднялся и, глядя в упор на Корнеева сужившимися серыми глазами, отчеканил:

— Старшина-рулевой Корнеев! По приходу в СССР вы будете преданы военному революционному суду за попытку и дезертирство с военной службы в захвативший лагерь.

Не опуская своих глаз, глядя иено и открыто в лицо комиссара, Корнеев ответил:

— Есть!

ЛЮБОПИТНОЕ «СОВПАДЕНИЕ»

В момент англо-американских переговоров о «разоружении» в Англии вышел кинофильм, рисующий фантастическую борьбу английской авиации в будущей войне. Достаточно взглянуть на один из кадров фильма, чтобы понять, с кем Англия собирается вести войну. Не потому ли так энергично велется бойкоты о «разоружении»?

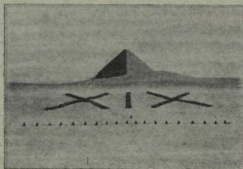
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕТИНИЗМ

Страна вешатели Хорти—белая Венгрия, как известно, является королевством. Но короля у нее пока нет и не подыскали. Тем не менее во всех торжественных случаях выдвигается королевский трон, перед которым облаченные в расшитые олеицы борластые пиджаты преклоняют колени, как перед символами царского величия. В то время как тысячи пролетариев нищенствуют и заработная плата достигла неслыханно-низкого уровня, миллионы выбрасывают на поддержание этой ораны сапожной чепухи, литавоченек около этого «безголового» трона.

«НЕЗАВИСИМОСТЬ» ЕГИПТА

Новый англо-египетский договор делает Египет, в сущности говоря, независимым. Но из этой независимости сделали некоторые заключения. Египетская армия находится под английским контролем, внешние дела Египта тоже. Англичане в Египте пользуются исключительными правами. Внутренние дела Египта... тоже в общем регулируются английским правительством. Если же «независимый» Египет вздумает испортить, то ему доволны быстро «воткнуть» бесемейственность его металлий. Специально для презид «вразумления» строительных египетских «рабочие» министры его величества устроили после подписания договора маневры английских войск на глазах у старых и новых фараонов. Впрочем, новый фараон-король Фуад прекрасно понимает, что его власть будет держаться только до тех пор, пока английские палачи будут поддерживать его подлинный трон.

ЛИЦО СОЦИАЛ-ФАШИЗМА

Херинг—начальник социал-фашистской организации «Республиканского флага», который действует в союзе с фашистами. Недавно эта организация отраздиновала действительную голодную ситуацию существования. Грандиозные приходы в торжественной обстановке... при полном отсутствии рабочих, но с участием крупной буржуазии, субсидирующей эту организацию. Сейчас, когда в Германии обнаружена энергичная работа фашистов по подготовке переворота, Херинг приводит свою организацию в боевую готовность... на случай нападения пролетариата на фашистов. Слогот германской конституции всегда тотот для выпадения на пролетариат (см. фот. слева).

В КИТАЕ СНОВА БОРЬБА

Чан Фа-шуй против Чан Кай-ши. Дело, конечно, не в имени. Не Чан Фа-шуй, ты другой канон-шубль. Тан Шен-чи выступил бы против обанкротившегося иппинского диктатора. Чан Фа-шуй официально является представителем, так называемых, «левых гоминдаев», известным лидером которых до сих пор остается Ван Цин-шуй, бывший глава уханского правительства. Положение Чан Кай-ши становится все более сложным. Он всталопод против себя всех крупнейших милитаристов Китая: Фан Юв-сян, Ен Си-шань, Чжан Сюв-линь, Тан Шен-чи, Чан Фа-шуй и других, недоловавших его подпольную буржуазную диктатуру и централизацию. Чан Фа-шуй воспользовался советско-итальянским конфликтом для того, чтобы нанести на Чан Кай-ши с удом. Слова кровавые схватки. Слова население в панике бегит из районов,

охлажденных боями (см. рисунок). Генеральские схватки не кончатся до тех пор, пока иппинский пролетариат не сбросит со своих иен всех генералов.

РАДИО-ЛЮЛЬКА

Последние усовершенствования американской техники. Изобретение для ребенка приспособлен радиоприемник. Небольшой аппарат соответствующего механизма и молодой буржуазный отпрыск получает звуковую передачу христианской проповеди или биржевых курсов.

ЕЩЕ «МОДА»

Студенты известнейшего американского университета в Колумбии ввели новую моду—мужские костюмы. Таким образом, женское неравнообразие абсолютно устранено, и милые буржуазные дочурки миссами записываются в бранные фашистские отряды для понавления на рабочих.

